

Р39

us la most
muyas

A

A

В
Печал

18-в. 3
2135

А Л Ъ З И Р А
И Л И
А М Е Р И К А Н Ц Ы
Т Р А Г Е Д І Я .

сочиненіе Г. Вольтера.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1786.

*Печатано съ дозволенія Указнаго у Шнора
на иждивеніи П. Б.*

AMERICAN

ИЗДАНИЕ

1872

1871

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ
Милосшивому Государю
Г Р А Ф У
АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ
Б Е З Б О Р О Д К Ъ,
Тайному Совѣшнику и разныхъ
орденовъ
К А В А Л Е Р У.

МИ

ВЕРХНЕМУ СЕЛЕНІЮ
Министерства Телеснаго
Суду
АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВИЧА
ВЕРБОВА
Тайному Советнику и Генералу
ордена
КАВАЛЕРІИ

При
Сія
есть
Ваш
буду
буду

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Причина, побудившая меня Вашему
Сіятельству посвятить переводъ сей,
есть усердіе и почтеніе къ достоинствамъ
Вашимъ. Довольно ободренъ и щастливъ
буду, когда усердіе и трудъ сей удостоенъ
будутъ благосклоннаго вниманія Вашего.

Милоспивый Государь!

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

Преданнѣйшій слуга
Петръ Карабановъ.

THE CHURCH OF THE HOLY TRINITY

THE CHURCH OF THE HOLY TRINITY
OF THE CITY OF NEW YORK
AND THE DISTRICT OF COLUMBIA
HAS ADOPTED THE FOLLOWING
RESOLUTIONS
AND CANONICALS
AND BY THE SAME
HAS ADOPTED THE
CONSTITUTION AND
BY-LAWS OF THE
SACRAMENTAL UNION
OF THE CHURCHES
OF THE CITY OF NEW YORK
AND THE DISTRICT OF COLUMBIA

THE CHURCH OF THE HOLY TRINITY

OF THE CITY OF NEW YORK

AND THE DISTRICT OF COLUMBIA

АЛЬЗИРА

или

АМЕРИКАНЦЫ

ТРАГЕДІЯ.

дѣйствующія лица.

ГУСМАНЪ, Правитель Перу.

АЛЬВАРЪ, Отецъ Гусмановъ, прежній правитель.

ЗАМОРЪ, владѣтель Потозской области.

МОНТЕЗЪ, Владѣтель другой области.

АЛЬЗИРА, Дочь Монтезова.

*ЭМИРА, } наперстницы Альзирины.
ЦЕФАНА. }*

Гишпанскіе Офицеры.

Американцы.

Дѣйствіе въ Лос-Рейѣ, или въ Лимѣ.

Ма
Чпо
Царю
Полс
Дав
Родя
Я оп
Комп
Среди
и М
Узрѣ
Паря
До з
Имѣл

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альваръ и Гусманъ.

Альваръ.

Мадрига вышній судъ свершилъ опредѣленье,
Чтобъ ты пріялъ по мнѣ, любезный сынъ, правленье:
Царю ты моему и Богу покаяй
Посвѣща новаго преизобильный край;
Давай ты для сего Законы брега сира,
Родяща золото, и беззаконья мѣра;
Я отдаю тебѣ всѣ знаки правъ своихъ,
Которы старость рвешъ изъ слабыхъ рукъ моихъ.
Среди Америки свои свершилъ я годы,
И Мексиканскіе мной въ первый разъ народы
Узрѣли зданія чудесны ихъ очамъ,
Парящи на крилахъ предъ ними по водамъ:
До звѣздъ медвѣдицы отъ волнъ я Магеланскихъ
Имѣлъ себѣ вождьми Героевъ Каспианскихъ;

Щастливъ, когдабъ я могъ во мзду заслугъ моихъ
 Во крошкихъ Христiянъ привести Героевъ сихъ!
 Но лъзя ли удержанъ къ побѣдамъ ихъ алканье?
 Ихъ люпоснъ славы ихъ запъмила все сiянье,
 Я долго слезы лилъ, что Богъ великоснъ давъ
 Героямъ мрачнымъ симъ, имъ лучшiй не далъ нравъ.
 Претекши долгiй вѣкъ, послѣднiя зрю лѣта;
 Но съ радоснью мои лишашся очи свѣта,
 Коль истину узрю съ державою твоей
 Въ Пошозской области и городѣ Царей.

Гусманъ.

Я овладѣлъ съ побой сей дикой свѣта частью,
 Въ жарахъ сихъ побѣждалъ я подъ опцовой власнью;
 Правленью опъ тебя мнѣ должно навикашъ,
 Твой паче брашъ законъ, чемъ свой преподавашъ.

Альваръ.

Нѣтъ, нѣтъ, владычеству нельзя бытъ раздѣленну.
 Увядашу мнѣ въ пiрудахъ, лѣшами опягченну
 Наскучила ужъ власнъ; довольно, коль мой гласъ
 Еще въ совѣтѣ естъ, и въ дѣйствахъ правитъ васъ.
 Повѣрь, что свойство мнѣ людей весьма извѣстно,
 Надъ ними бытъ, мой сынъ, владыкою не лестно.
 Препоручу Творцу, заступу съ давнихъ дней,
 Останки шомные я древности моей.
 Одну мнѣ милоснъ дай, въ ней будь мой ушѣшитель,
 Ждеиъ оныя твоей другъ, и требуетъ родишель.

Мой сынѢ, вручи ты мнѢ забытыхъ плѣнныхъ сихѢ,
 Задержанныхъ побой днесъ во сѣбѣнахъ градскихъ:
 Помысли, что сей день бытъ долженъ днемъ оспрады.
 Не знаменьемъ суда, но знаменьемъ награды.

ГусманѢ.

Коль сына просишѢ ты, ему ты повелѣлѢ;
 Но вникни, Государь, во что ты вдался смѣлѢ.
 Въ рождающійся градъ съ нешвердыми сѣбѣнами
 Американцамъ входъ не позволяемъ нами:
 Повѣрь, не пустимъ ихъ зракъ гордый свой стремить
 Къ желѣзу, коимъ ихъ могли мы укрошить:
 Не важа нашихъ правъ и возмущись скоро,
 Безъ пренеша на насъ да не возводяшѢ взоры.
 Да учашся они предъ нами лишь дрожать,
 И въ насъ и мечь и власть всечасно обрѣшашѢ.
 Американецъ злой какъ звѣрь ожесточенный;
 Трепеща узы рвешѢ въ неволѣ заключенный;
 Покоренъ подъ жезломъ, опѢ крошоспи надмѣнѢ,
 И кѣмъ ласкаемъ онѢ, инишѢ, имъ пошѢ ушрашенѢ.
 Послабой всякая въ упадокъ власть приходишѢ,
 А строгосѢ всегда покорство производишѢ.
 Я знаю: КаспилашѢ одна плѣняетѢ честь,
 СлужишѢ безѢ ропота, чтобѢ плѣмѢ себя вознесѢ;
 А шамо цѣлый свѣшѢ, рабы одной боязни,
 По нуждѢ служашѢ всѢ, для нихъ пошребны казни.
 И боги самые въ спранахъ ужасныхъ сихѢ
 Не смлюшѢ жершѢ, коль кровь не обагряешѢ ихѢ.

Альваръ.

Ахъ, сынъ мой! сколь клену сѣи пирански дѣйства!
 Возможешь ли любить полипики злодѣйства?
 Ты Христіянинъ самъ, ты правишь избранъ впредь,
 Чшобъ нововѣрнымъ здѣсь дать Бога мира зрѣшь.
 Иль очи грабежемъ твоимъ ненасыщенны,
 Которымъ берега сихъ мѣстъ опустошенны?
 И опѣвъ восточныхъ странъ за шѣмъ ли я пришелъ
 Во неизвѣстный намъ языческій предѣлъ,
 Чшобъ гнуснымъ зрѣши въ сихъ краяхъ жаровъ безмѣр-
 ныхъ
 Съ Европы именемъ и имя правовѣрныхъ?
 Увы! насъ Богъ послалъ не такъ себя явить;
 Но возвѣщать Его и дать Законъ любить:
 А мы предѣловъ сихъ рушили ели нещадны,
 Мы къ залу одному и крови только жадны,
 Закона бѣглецы, кой надлежало ввести,
 Мы губимъ сей народъ, кой должны приобрѣсть,
 Мы льемъ повсюду кровь, все превращаемъ прахомъ,
 Подобны небу мы единымъ только страхомъ.
 Такъ, съ нашимъ именемъ мы ужасъ къ нимъ несемъ,
 Гишпанецъ спрашенъ здѣсь; но мерзостенъ онъ всѣмъ:
 Мы нова міра бичъ, не правы, щедры, алчны,
 Едины мы хранимъ пирановъ души мрачны:
 Сихъ дикій жителъ мѣстъ во простотѣ родясь,
 Намъ равенъ мужествомъ; щедрой выше насъ.
 Ахъ! естлибъ онъ такой, какъ ты, былъ кровопителъ,
 Когдабъ онъ не былъ блгъ, погибъ бы твой родителъ.

Или ты позабылъ, что ими я спасен?

Или ты позабылъ, что въ близости сихъ спѣнѣ

Меня спѣснилъ народъ свирѣпствомъ неподобнымъ,

Чрезъ наше варварство содѣлавшійся злобнымъ?

Срой ратниковъ моихъ при мнѣ судьбу скончалъ,

А я безъ помощи, одинъ, лишь смерти ждалъ:

При имени моемъ оружья свергли сами:

Тамъ юноша предъспавъ со слезными очами,

И вмѣсто, чтобъ разить, къ моимъ упалъ ногамъ:

„Альваръ, онъ рекъ, Альваръ! ахъ! тыль явился намъ?

„Живи, всегда швоя нужна намъ добродѣтель,

„Живи, и буди ты несчастнымъ благодѣтель;

„Да варвары, спремясь намъ узы налагають,

„По крайней мѣрѣ симъ научатся прощать.

„Не сомнѣвайся въ томъ, здѣсь жребій бытъ великимъ

„Народу бѣдшвенну, названну ими дикимъ.

То слыша спонешь ты, я зрю, при вѣспи сей

Противу воли ты смягчаешься своей:

Такъ человѣчество гласитъ тебѣ со мною.

Ахъ! естли прилѣпенъ ты къ люшости душою,

Съ какимъ челомъ ты днесъ осмѣлишься предъспавъ

Предъ непорочный видъ, кой долженъ ты смягчать,

Предъ дочерью Царей спраны селъ несчастной,

И звѣрству швоему судьбою спавъ подвластной?

Иль хочешь утвердишь свою, мой сынъ, любовь,

Лѣя сихъ согражданъ безъ сожалѣнья кровь?

Иль ожидаешь ты, чтобъ вопль ея и муки

Обезоружили швои суровы руки?

Гусманъ.

Довольно, ты велишь; ихъ мною плѣнъ прерванъ,
 Пустъ шакъ; но должно имъ взять вѣру Хриспiянъ;
 Законы шакъ хопишъ: язычесиво оставишъ
 Есть право въ сихъ мѣстахъ живошъ себѣ доставишъ:
 Склонимъ ихъ сей цѣной въ единовѣрство тѣ намъ,
 Принудимъ разумъ ихъ, и повелимъ сердцамъ?
 Необходимости ушабъ непобѣдимый
 Влечетъ ко олшарямъ и духъ неукротимый.
 Хочу, чтообъ быбъ рабы закона моего,
 Спрашились какъ Царя, шакъ Бога одного.

Альваръ.

Внемли, мой сынъ: сего тебѣ желаю болѣ,
 Да сядешъ истина на новомъ здѣсь престолѣ!
 Да Богъ, Гишпанiя пребудетъ безъ враговъ;
 Но лязаль покорства ждашь ошъ спраждущихъ умовъ?
 Склонялись мнѣ сердца изъ ихъ одной доброты,
 И насипоящiй Богъ, мой сынъ, есть Богъ щедроты.

Гусманъ.

Согласенъ, государь, съ желанiемъ твоимъ:
 Имѣешь полну власшь надъ сыномъ ты своимъ.
 Такъ, ты бы овладѣлъ и звѣрскими сердцами;
 Ты самой крошесши вѣщаеши ушами.
 И шакъ, колъ небеса тебѣ хопѣли данъ
 Сей даръ, сей даръ благiй, что бы на все склонять;

Тобой однимъ могу достигнуть я ко щастью:
 Альзира предо мной дерзка моею страстью,
 Въ невольнопреданной я щастья не сыщу:
 Люблю ее, люблю, и больше чѣмъ хочу:
 Но какъ бы ни желалъ любимъ быть спраспно сю;
 Сей гордой не могу унизиться душею,
 И ползая предъ ней рабомъ ея очей,
 Лышшишь гордоспи ея преданностью моею,
 Никакъ я не хочу ей сполько быть покоренъ:
 Лишь ты, все можешь ты; Монтезъ тебѣ безспоренъ.
 Скажи въ послѣдній разъ Алзирину опшу,
 Чтобъ дщери повелѣлъ и влекъ ее къ вѣщу,
 Благоволи но ахъ! спыжусь, что я причина
 Сей низоспи опшу, чтобъ онъ просилъ за сына.

Альваръ.

Все было, я вѣдалъ, мой сынъ, и безъ спыда,
 Монтезъ Алзиру зрѣлъ и склонилъ безъ труда,
 Священну роду ихъ здѣсь падшу во плѣненне
 Творецъ моимъ прудомъ далъ въ бѣдспвахъ ушѣшенне.
 Для Бога испишна Монтезъ боговъ попралъ,
 И самъ опъ дочернихъ очей онъ мракъ опгналъ:
 Альзира еспъ примѣръ всей новоя вселенны,
 Безвѣспныхъ взоры къ ней народовъ обращенны:
 Къ Гишпанцамъ бракъ ея всѣхъ души привлечетъ,
 И нашъ восприметъ нравъ покорствуя сей свѣтъ.
 Должны пуспиться въ немъ глубоко корни вѣры;
 Твой бракъ еспъ узѣлъ, и двѣ спряжетъ онъ полусферы.

Клянущій нашъ законъ свирѣпый сей народъ,
 Въ супругъ зря твоей владѣтелей ихъ родъ,
 Всѣмъ сердцемъ полетишь, опвергнувъ духъ кичливый,
 Склонишь свое чело въ твой сладкій пламень, щасливый.
 Мы сей толь сладостный вѣнецъ успѣхомъ льстишь,
 Что всѣхъ онъ въ Христіанъ сердца преобратишь.
 Но се Монтезъ. Мой сынъ, ты долженъ удалишься,
 Иди во храмъ, гдѣ онъ со дщерію явился.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Альваръ, Монтезъ.

Альваръ.

То правда ли, что власть и твой благій совѣтъ
 Твою прекрасну дщерь къ согласію ведешь?

Монтезъ.

Отецъ несчастливыхъ! прости, когда Альзира,
 Рукой Гусмана ставъ безъ области и сира,
 И робости въ себѣ еще являя знакъ,
 Трепещущей ногой вступаешь съ нимъ во бракъ.
 Сей узъ, что соединитъ Европу съ сей землею,
 Смущаетъ дочь мою, спраной взрощенну сею:
 Но предразсудки всѣ предъ гласомъ мрутъ твоимъ,
 Твой нравъ насъ научилъ, да твой законъ мы чтимъ,

Познаніе небесъ тобой намъ возсіяло,
 Нашъ въ просвѣщеніи умъ тобой приялъ начало.
 Желѣзомъ Каспилаи сей новый міръ учась,
 Его смиряешъ власть, а добродѣтель насъ:
 И согражданъ твоихъ безмѣрно лютошь спирога
 Явилабъ, какъ они, презрипельнымъ ихъ Бога.
 Ихъ даннымъ лютошью гнушались Богомъ симъ;
 Онъ зримъ въ душѣ твоей, въ тебѣ одномъ любимъ.
 Вотъ чѣмъ ты можешь мной и дочерью владѣши.
 Внявъ добродѣтелямъ твоимъ, твои мы дѣти:
 Будь нашимъ областямъ и ей опцемъ теперь.
 Даю въ обѣщанія, даю Гусману дщерь;
 Она, Перу, Пошозъ рукой его плѣненны:
 Иди ко шоржеству предъ олтари священны,
 Иди, я мню небесъ превѣчный зрѣшь народъ
 Ко смертнымъ низходящъ, оставя горній сводъ.
 Ручаюсь я за дщерь, ей признанъ будешъ нынѣ
 Владыка и супругъ въ твоемъ надмѣнномъ сынѣ.

Альваръ.

Ахъ! естли отъ моихъ сплешенъ сей узелъ рукъ,
 Я щасливъ низхожу во гробъ, любезный другъ.
 О ты, открывшій намъ края сіи просторны!
 Содѣлай свѣта днесъ предѣлы осіяны,
 О Боже Христіянъ! присутствуй въ клятвахъ сихъ,
 Здѣсь данныхъ въ первый разъ при олтаряхъ свяшихъ!
 Сойди, влечи къ себѣ Америку смущенну!
 Прости, спѣшу теперь ко браку вождѣнну,
 Прости, я помню по: мой щасливъ сынъ тобой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ.

Монпезъ *одинъ.*

Разитель Богъ боговъ, коихъ чпилъ душой!
 Возри на горестну, возри мою кончину,
 Всего былъ я лишень, имѣю дщерь едину:
 Рачи о ней, наставь ее на правый путь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Монпезъ, Альзира.

Монпезъ.

О дщерь! се часъ насталъ, согласна къ щастью будь:
 Коль сердцемъ, словомъ мнѣ поборствуешь, Альзира,
 Ты щастіемъ своимъ содѣлай щастье міра;
 Будь плѣнникамъ покровъ, врагамъ повелѣвай,
 И вредну молнію въ рукахъ ихъ угашай:
 Изъ нѣдра бѣдности всходи ко царску трону,
 И покарай свой нравъ судьбы швоей закону.
 Прими ны новый духъ, рѣшишь, меня любя,
 Гишпанкой возродись, отрекнися себя,
 Не лей досаднаго ошцу потока слезна.

Альзира.

Я вся швоя; но ахъ! коль я тебѣ любезна,
 Зри сердце ны мое, зри мой смященный духъ.

Моншезъ.

Нѣтъ, твой постыдный стонъ мой отвращаетъ слухъ;
Ты слово мнѣ дала, пошребно исполненье.

Альзира.

Ты изъ меня изпортъ толь страшно приношенье;
Но лязяль мнѣ кляпву дашь, сего о Боже! дня?
Се страшный день, въ немъ все погибло для меня,
Въ немъ гордаго для насъ Гусмана мечъ несчастный
Дерзнулъ чадъ солицевыхъ низвергнуть пронъ ужасный.
Коль страшныя бѣды день предвѣщаетъ сей!

Моншезъ.

Виною щасливыхъ мы и злополучныхъ дней.
Кинь суевѣрія введенныя жрецами,
Для черни преданны здѣсь нашими опцами.

Альзира.

И въ сей же день, увы! сымспипшель сей страны
Заморъ, надежда мнѣ, погибъ среди войны,
Заморъ, любовникъ мой, тобой избранный въ замя.

Моншезъ.

Стоналъ надъ нимъ, какъ ты, я горьки слезы праптя.
Не ищутъ кляпвъ твоихъ низшедши ко гробамъ:
Неси, носи съ собой духъ вольный къ олпарямъ;
Дай добродѣтели ко праху охладѣлу
Безумныя любви извлечь изъ сердца спрѣлу.

Ты вся принадлежишь закону Хрїстіянѣ,
 Мною Богъ тебѣ велишь, чѣмъ сей союзъ былъ данъ,
 Онъ въ храмъ тебя зовешъ, онъ дѣлъ твоихъ прави-
 шель,
 Внемли ему.

Альзира.

Кѣ чему привелъ меня родитель?

Я знаю, что опедѣ, что власть опедева есть:
 Коль рекъ, мой первый долгъ себя на жертву несть.
 И послушанія я больше оказала,
 Чемъ сей священный долгъ природа предписала.
 Все зрѣла шакъ, твоимъ какъ зрѣлося очамъ.
 Тобой преобразясь не вѣрую богамъ,
 Я не жалю ихъ величества сраженна,
 Предъ новымъ Богомъ симъ, какъ мы, униженна.
 Но ты мнѣ самъ внушалъ въ спенаніи моемъ,
 Что предъ его живетъ спокойство олшаремъ,
 Что правъ его законъ, и блгѣ, и безъ обману,
 Что онъ смущенныхъ чувствъ моихъ излѣчишь рану.
 Ты слабость обольщалъ! Сражающа стрѣла
 И въ самомъ Богѣ семъ всегда мнѣ грудь рвала.
 Она несетъ въ нее всегда зракъ обновленной,
 Заморъ еще живетъ въ душѣ имъ зараженной.
 Ты правосъ чувствѣй сихъ, коль должно, обвиняй,
 Сей огонь, кой времени и смерти есть сильней,
 Сію безсмертну спрасъ, позволену побою;
 Спрягай ты дщерь свою съ пираномъ пльнимъ мною

Народна польза въ томъ, покорна, должно такъ;
 Но шрепещи, пиворя несходственный сей бракъ,
 Ты, ты, который месь опъ Бога мнѣ въщаешь,
 И днесъ меня въ его присутствіи осуждаешь
 Супругу общаешь мнѣ данному любовь,
 Когда еще во мнѣ другимъ пылаешь кровь.

Монпезъ.

Ахъ, что рекла ты, дщерь! щадя мои ты годы
 Для имени любви, для имени природы,
 Для спрашныхъ бѣдъ, тебѣ возможныхъ опврашнѣ,
 И для отца, кого могла ты оскорбить;
 Не дай при смерти мнѣ вкусити горесъ люту.
 Я къ щастью пвоему терялъ ли хоть минушу?
 Симъ насладись трудомъ; но бойся опврашнѣ
 То благо прудное, которо могъ я дать.
 Теченье новое начатое тобою
 Своею начершалъ навѣки долъ рукою.
 Къ сему тебя влечетъ спениящая спрана;
 Измѣнишь ли ты ей? надежда ты одна,
 Учись себя смирять.

Альзира.

Мнѣ должно припворяться?
 Искусство пагубно!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гусманъ, Альзира.

Гусманъ.

Я долженъ огорчаться,

Что мнѣ даютъ еще въ исканіяхъ моихъ
 Досадну медлѣнность косненій шаковыхъ.
 Желала ты, чшобъ я врагамъ явилъ прощенье;
 Я казнь остановилъ, просилъ за дерзновенье,
 Дана свобода имъ; но мнѣ шо будетъ стыдъ,
 Кош малость сихъ услугъ Альзиру умягчитъ.
 Сего не ошъ моей я ждалъ верховной власпи,
 Симъ долженъ бытъ хотѣлъ тебѣ, и нѣжной спраспи,
 Въ желанныхъ радостяхъ ни мало я не мнилъ,
 Чшобъ щастіемъ моимъ тебя я огорчилъ.

Альзира.

Да спроги небеса своимъ ударомъ гнѣвнымъ
 Обѣимъ намъ сей день не учинятъ плачевнымъ!
 Ты зришь, какой меня теперь обѣмлетъ страхъ,
 Начерпанъ онъ въ лицѣ, вѣщаетъ онъ въ очахъ.
 Таковъ Альзиры нравъ, что сердце оцущаетъ,
 То мой являетъ взоръ, языкъ мой шо вѣщаетъ.
 Тамъ, гдѣ пришворствуюшъ, шамъ клятва не вѣрна,
 Европы хищность шо; не для меня она.

Гусманъ.

Зрю искренность твою: Заморъ, я въ томъ извѣстенъ,
 Живъ въ памяти твоей, тебѣ еще прелестенъ.
 Упорный сей Касикъ, который мной погранъ,
 Еще прошивъ меня идетъ изъ адскихъ спранъ.
 Въ живыхъ его смирилъ, и мертва мнѣ бояться?
 Престанъ мнѣ досаждать, престанъ о немъ терзаться;
 Супруги долгъ, мой санъ и сердце то язвишь,
 А сердце ревностью къ слезамъ твоимъ горитъ.

Альзира.

Не буди такъ ревнивъ, не будь въ толикой злобѣ;
 Не много зависти даетъ соперникъ въ гробъ.
 Любила, признаюсь, и долгъ мой былъ паковъ,
 Заморъ надеждой былъ твоимыхъ сихъ береговъ;
 Онъ былъ мнѣ обрученъ и для меня любезенъ,
 Любилъ меня: по немъ еще лѣю шокъ слезенъ.
 А ты не только грусть мою не осуждай;
 Суди о твердости, и сердце распознай,
 И поступаешь со мной преславъ высокомерно,
 Коль можешь, заслужи толико сердце верно.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Гусманъ одинъ.

Высокомеріе и искренность ея
 Дивящъ мой твердый духъ и нравны для меня:

Б

Но не стерплю того: иль мысль ея надмѣнну
 Трудные укропишь, чемъ укропишь вселенну?
 Природа грубая ей прелести подавъ,
 По свойству сей страны дала ей дикій нравъ.
 Смирися должностью душа въ ней непокорна,
 Миѣ всею подвластно здѣсь; она одна упорна.
 Да торжествуетъ бракъ: и предваримъ шотъ гласъ,
 Чѣмобъ побѣдитель могъ внимать себѣ опказъ.

Конѣцъ перваго дѣйствія.

Вы, в
 Тверд
 Друзь
 Опмс
 Ошел
 Гусма
 Не на
 И не
 О Бог
 Вы пр
 Шеспи
 Низве
 Безъ
 Всего
 Я нес
 Въ др
 Опъ
 Сѣши
 До мѣ
 Вывод

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Заморъ, Американцы.

Заморъ.

Вы, въ коихъ рѣдкая отважность обитаетъ,
Тверда въ опасностяхъ, въ несчастіи возрастаетъ,
Друзья и спутники въ несчастіи моемъ,
Оптимистимъ ли мы, или безъ мести мы умремъ?
Ошечества ли мы, Альзирыль не избавимъ,
Гусманаль мерзку жизнь окончишь не заставимъ,
Не найдемъ, не казимъ губителя сего,
И не оптимистимъ за проиъ, погибшій отъ него?
О Боги слабые обширной свѣта части!
Вы предали ее боговъ враждебныхъ власни.
Шестъ сотъ Гишпанцевъ здѣсь оружіемъ рукъ своихъ
Низвергли край мой, проиъ, вашъ храмъ, и васъ самихъ:
Безъ обласи Заморъ, безъ жертвъ и вы, Кумиры,
Всего лишились мы, лишился я Альзиры.
Я несъ мой гнѣвъ, мой снудъ, терзаніе шоски
Въ дремучіе лѣса, въ крушащися пески;
Отъ знойна пояса, и изъ среды вселенной
Свѣжило дневное мой зрѣло пунъ смященной
До мѣстъ, гдѣ симъ преставъ блисташъ оно спранамъ,
Выводитъ годъ, и въ слѣдъ идешъ своимъ спонамъ.

Но ваше дружество, и храбрость, и спаранье
 Къ обширнымъ ондали мнѣ мыслямъ упованье;
 Въ жилищѣ спрашномъ семъ я мнилъ къ коюу привести
 Двѣ добродѣтели мои, любовь и меснь.
 Мы смертныхъ собрали сердецъ неуспрашиваемыхъ,
 Владыкамъ алчущимъ враговъ неукротимыхъ.
 Они во мрачныхъ сихъ дубровахъ залегли,
 Чшобъ ситны размонирѣнь пиранскія могли.
 Пришелъ я; насъ толпа свирѣлая схватила,
 Повергла въ пропасни и въ узы заключила.
 Изъ адской бездны сей свободу дали намъ,
 Презрѣвъ сказань, какимъ мы преданы судьбамъ.
 Друзья! гдѣ мы? и кшо сего владѣтель міра?
 Скажите мнѣ, въ какой судьбѣ живемъ Альзира?
 Невольникъ ли Монтезъ, еще ли онъ въ живыхъ?
 Иль бѣду жизнь влачинъ въ мѣспахъ ужасныхъ сихъ
 Печальные друзья въ Заморовой напасни!
 Не можешель открышь невѣдомой мнѣ часни?

Американецъ.

Въ различныхъ, какъ и ты, мѣспахъ несли мы плѣны
 Пушями разными до сихъ ведены ситны,
 Безвѣстны, чужды бывъ народу столь жестоку,
 Не знали, коему ты былъ подверженъ року.
 Несчастливый Касикъ, сихъ недостойный бѣдъ,
 Когда уже пиранъ на смерть тебя влечетъ;
 Твои друзья падушъ подъ шюю же косою,
 И изъ любви къ тебѣ на всю пойдущъ съ тобою.

Заморъ.

По славе побѣдить подъ небомъ перва честь
 Дѣйствительно есть па, чѣмъ хвальну смерть понесѣ;
 Но умереть въ стыдѣ, умереть въ позорной долѣ,
 И умирая зрѣть опечество въ неволѣ,
 Погибнушь не опмѣся, своихъ лишишься дней
 Отъ рукъ убійцевъ сихъ, Европы отъ шатей,
 Отъ рукъ сихъ кровопийцъ, корыстолюбцевъ жадныхъ,
 Опустошителей вселенной сей нещадныхъ,
 Дерзнувшихъ муки мнѣ поносны налагать,
 Чѣмъ злано, ихъ самихъ гнуснѣйшее спяжать,
 Вовлечь во гробъ гражданъ любезнѣйшихъ съ собою,
 Предать имъ, что моей владѣнъ всей душою,
 Предать Альзиру мнѣ несповѣсту ихъ рукъ,
 Ужасно такъ умереть, и всѣхъ жесточе мукъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Альваръ, Заморъ, Американцы.

Альваръ.

Свободны будьте вы: живите.

Заморъ.

Что внимаю!

Я добродѣтели такой не понимаю!

Мнѣ смертнымъ ли тебя, иль богомъ почитаешь?
 Гишпанца зрю въ тебѣ, и можешь ты прощать!
 Или ты Царь? или во градѣ семъ Властитель?

Альваръ.

Не царь; невинныхъ я и бѣдныхъ покровитель.

Заморъ.

Какая же твоя судьба, хочу я знать,
 Великодушный мужъ?

Альваръ.

Недѣстнымъ помогать.

Заморъ.

Ахъ! кто въ тебѣ Творецъ сей милосердья священной?

Альваръ.

Богъ, вѣра и души признание одолженной.

Заморъ.

Твой Богъ и вѣра! какъ! спраны пираны сей,
 Чудовищи, въ крови упитанны людей,
 Грабищели земли, и коихъ люта сила
 Опечесство мое въ пустыню претворила,
 Которыхъ весь законъ къ серебру пылашь алчбой,
 Ужели Бога члупишь не одного съ тобой?

Альваръ.

Богъ пошѣ же; но они ихъ Бога раздражаютъ,
 Въ законѣ бывъ святыхъ, въ порокахъ упоаюшъ.
 Они просперли къ злу власъ новую свою:
 Преступки знаешь ихъ; но должностъ знай мою.
 Два раза солнце ужъ онъ пропика къ другому
 Прошло сей мѣръ и нашъ, свѣтя лицу земному,
 Съ тѣхъ поръ, какъ нѣкто здѣсь поданьемъ щедрыхъ
 силъ,
 Владыка дней моихъ, ихъ спасъ благоволилъ;
 Съ тѣхъ поръ о щастіи я вашемъ помышляю,
 И вашихъ согражданъ я братьями считаю:
 Счастливы бы умеръ я, когдабъ нашелся мной
 Мнѣ сохранившій жизнь невѣдомый герой!

Заморъ.

Его черты, лѣша, высока добродѣтель,
 Такъ, онъ, се самъ Альваръ, нашъ крошкѣй благодѣтель!
 Ты можешь ли теперь познать того изъ насъ,
 Кто волею судьбы тебя онъ смерти спасъ?

Альваръ.

Что рекъ онъ? Подойди. О щедро провидѣнье!
 Се пошѣ герой, къ нему пролью благодаренье!
 Ослабшій лѣшами мой взоръ, печальный взоръ,
 Увы! какъ не нашелъ его до сихъ ты поръ?

Мой сынъ! избавишесь! (обнимая его) вѣдай, что дѣлать
должно?

Живи, здѣсь буду я опцемъ тебѣ неложно.

Тобой спасенны дни хотѣла смерть почпить,

Чтобъ время я имѣла тебѣ вознаградить.

Заморъ.

Ахъ! естлибъ пивой народъ отъ злобы удалился,

И благостей пивохъ хопъ искрой озарился;

Повѣрь, что нынѣ имъ поправный сей предѣлъ

Подъ иго бы его съ охотою лешѣлъ:

Но сколько духъ пивой щедръ, и сколько честность
знаетъ,

Такъ варварство его природу ужасаетъ;

Мнѣ легче умереть, чѣмъ вмѣстѣ жить съ нимъ;

Тово я только жду, шѣмъ мучуся однимъ,

Чтобъ могъ хопъ по узнать, ужель кровавы руки

Моншеза бѣднаго скончали горьки муки,

Ошца Альзирина.... Увы! ты зришь мой спонъ.

Съ любезнымъ именемъ лепить изъ сердца онъ.

Альваръ.

Не пидись сокрыти слезъ, крѣпиться ты престани:

Ты человѣчеству тѣмъ плащешь нѣжны дани.

Ахъ, горе варварскимъ и хладнымъ тѣмъ сердцамъ,

Которыя къ чужимъ не жалосны бѣдамъ!.....

Моншезъ, твоей нѣжный другъ во славу здѣсь сіяетъ,

И лѣпы древнѣя щастливо провождаетъ.

Заморь.

Узрю ль его?

Альварь.

Узришь: да онъ возможешь днесь

Склонишь себя такъ жить, какъ мнишь, живя онъ
здѣсь!

Заморь.

Какъ! чтобъ Монтезъ

Альварь.

Хочу, чтобъ онъ повѣдалъ нынѣ

Тебѣ изустно самъ о всей его судьбинѣ,

Рокъ насъ связующій и узъ щастливый шотъ,

Что согражданъ твоихъ и нашъ спряжешь народъ.

Я сыну возвѣщу въ весельи несказанномъ

О чудномъ щастьи семъ, отъ неба намъ посланномъ.

А чтобъ тебѣ я могъ усердіе явить,

Иду связующи насъ узы укрѣпимъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Заморь, Американцы.

Заморь.

Явилась наконецъ мнѣ благодать небесна:

Въ жилищѣ варваровъ нашелъ я мужа честна.

Альваръ, Альваръ есть богъ, между развратныхъ сихъ
 Снизходящъ укропишь во свѣпѣ нравы злыхъ.
 Имѣенъ сына онъ: я въ немъ увижу брата;
 Ахъ, естѣлибъ стоилъ онъ опца поoliko свята!
 О день! коль сладкою пы мнѣ надеждой льстишь!
 Ты мнѣ по прехъ годахъ Монтеза возвратишь!
 А пы, которой я плѣненъ дражайшимъ взоромъ,
 Ты, для которой всю совершено Заморомъ,
 Жизнь жизни моей! Во сей ли пы спранъ?
 Хранишь ли перву чesнь пы сердца вѣрносшь мнѣ?
 Хранишь ли мнѣ ее? — Сомнѣнье бѣднымъ сродно....
 Какому спарцу здѣсь еще предстанъ угодно?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Монтезъ, Заморъ, Американцы.

Заморъ.

Тебяль объемяю я, тебяль, Монтезъ драгой?
 Се смерти избѣжалъ Заморъ любезный пвой,
 Онъ ожилъ защищаъ тебѣ, бывъ смерти узникъ;
 Се твоей нѣжнѣйшій другъ, пвой зять и пвой союзникъ!
 Гдѣ дщерь пвоя? скажи, въ какой судьбѣ она?
 Свершай: въ опѣшѣ мнѣ иль жизнь, иль смерть дана?

Монтезъ.

Касикъ несчастливый! въ пвоей увѣрѣсь смерти,
 До нынѣ не могли мы торькихъ слезъ оперши.

Вкругъ гроба, кой тебѣ былъ нами соруженъ,
 Просили мы судьбу, чшобъ ты былъ возвращенъ.
 Ты живѣ: да небо дастъ тебѣ въкъ лучшей части!
 Да кончатся твои въ жилищѣ семъ напасни!
 Заморѣ! ахъ, что вело тебя до сихъ береговъ?

Заморѣ.

Месѣ за себя, тебя, Альзиру и боговъ,

Монпезѣ.

Что рекъ?

Заморѣ.

Вспомяни ты день топѣ нестерпимый,
 Когда Гишпанецъ злой, надмѣнный, невредимый
 Разсыпалъ, разорилъ до основанья градъ,
 Кошорый сошворенъ опѣ солидевыхъ былъ чадъ.
 Онъ именемъ Гусманъ. Тѣсняща рока дѣйство
 Мнѣ дало знать его лишь имя и злодѣйство.
 Сѣ то имя мнѣ Монпезѣ, несносно пакъ
 Убійства, грабежа ужасный было знакъ.
 Симъ именемъ опнявъ изъ рукъ моихъ любезну,
 Безъ жалости влекли твой родъ въ неволю слезну,
 Повергли олшари со храмомъ пѣмъ святымъ,
 Гдѣ сыномъ опѣ Боговъ нарека съ твоимъ:
 Меня къ нему влекли: какія казни, муки
 Вложили на меня его злоалчны руки,
 Чшобъ злато я ошкрылъ богошворимо имъ,
 Гишпанецъ Идола, мы кое прахомъ чшимъ!

Я брошенъ былъ полмертвѣ, неся терзаній бремя:
 Не можешь никогда обидѣ ослабить время.
 И я по трехъ годахъ собралъ моихъ друзей,
 Взаимно дышущихъ, какъ мы враждой своей.
 Геройска ихъ толпа, сокрытая лѣсами,
 Опмспитъ, или падетъ подъ здѣшними стѣнами.

Монпезъ.

Ты жалокъ мнѣ: но что ты хочешь предпріять?
 Нейди на смерть, тебя хотѣвшую бѣжать.
 Что могутъ и друзья, и ихъ доспѣхи бранны,
 И водныхъ жилищей сѣи остатки плѣнны,
 И слабы мраморы, подобія мечей,
 И наго воинство въ нестройности своей
 Противъ тирановъ сихъ, гигантовъ сихъ надмѣнныхъ,
 Желѣзомъ блестящихъ, и громомъ вооруженныхъ,
 На бранныхъ яко вѣтрѣ летящихъ противъ насъ
 Чудовищахъ своихъ, внимающихъ ихъ гласъ?
 Коля свѣтъ имъ успунилъ, намъ должно покориться.

Заморъ.

Мнѣ здаться, коля я живъ? мнѣ къ рабству преклониться!
 Монпезъ, повѣрь, что ихъ и молніи, и громъ,
 Желѣзо сихъ враговъ, и лапы, и шеломя,
 Подъ ними быстрый звѣрь, пвворящій брань разжену,
 При вшествіи своемъ могли страшить вселену.
 Зрю твердымъ окомъ ихъ, ругаться смѣю имъ:
 Для побѣжденія ихъ лишь будь неустрашимъ.

Едина новостъ ихъ сей свѣтъ порабощаетъ,
 Владѣетъ робкими, а смѣлымъ уступаетъ.
 Блестящій злани ядъ, врученный симъ странамъ,
 Не защищая насъ, влечетъ Европу къ намъ.
 Щедро небо къ намъ желѣза насъ лишило,
 И онымъ варваровъ свирѣпѣйшихъ снабдило:
 Но небо наконецъ за нашъ опмиза свѣтъ,
 Намъ добродѣтели за ихъ желѣзо шлени.
 Сражусь за дщерь твою; и побѣжду свободно,

Моншезъ.

Противенъ рокъ тебѣ, стараніе бесплодно;
 Премѣнны дни.

Заморъ.

ихъ,

Увы! какой даешь отвѣтъ!

сья,

Премѣнныя дни, когда въ тебѣ премѣны нѣтъ,
 Коль славу и обѣтъ Альзира чтишь душою,
 И коль Заморъ еще воспоминаемъ ею?
 Ты отвергаешь взоръ, зрю плачь и слонъ единъ?

шься!

Моншезъ.

Заморъ несчастливый!

нну,

Заморъ.

Ужель не твой я сынъ?
 Великій духъ въ тебѣ замя ширанска злоба,
 Дала пороки знашь тебѣ при краѣ гроба.

Монпезъ.

Не виненъ я: и ты побѣдоносцевъ сихъ
 Тиранами не чти, какъ ты считаешь ихъ.
 Судьбина привела иныхъ въ сіе владѣнье
 Не споль къ плѣненью насъ, сколь намъ во наставленье,
 Принесшихъ новыя достоинства въ нашъ кругъ,
 Безсмертны шайнства, и новоснъ ихъ наукъ,
 Науку знашь себя, примѣръ имъ подражани,
 Бышь въ щастьи наконецъ, и жишь и разсуждаши.

Заморъ.

Что рекъ? Какой ты ядъ дерзнулъ изъ устъ излишь?
 Альзира плѣнница; а можешь ихъ хвалишь!

Монпезъ.

Не плѣнница.

Заморъ.

Монпезъ, прости душѣ ты тѣввой,
 Просиши ты, опче мой, судьбѣ моей плачевной.
 Предспаь, чпо вѣчный узлъ со мной ее сопрягъ;
 Такъ, въ шомъ обѣщъ ты далъ при божьихъ олшаряхъ:
 Она не изъявишь богамъ кляшворушеній.

Монпезъ.

Не призывай боговъ, лжесвяшства порожденій,
 Мечпаній гнусныхъ сихъ, я оныхъ пренебрегъ;
 Предъ сущимъ Богомъ мы низвергли ихъ на вѣкъ.

Заморь.

Что рекъ? какъ! твой законъ? оцесъ преданье вѣры?

Монсезъ.

Позналъ ея щещу, отвергъ ея химеры.

Да Богъ боговъ, еще невѣдомъ симъ спранамъ,

Явишъ себя швоимъ пріявшимъ свѣтъ очамъ;

Да лучше ты поймешь, нещасливый владѣтель,

Съ Европы божествомъ Европы добродѣтель!

Заморь.

Въ чѣмъ добродѣтель ихъ? врагами сихъ береговъ

Во всемъ ты спалъ рабомъ, опринушъ онъ боговъ.

Такъ имъ ты измѣнилъ, чшобъ мнѣ явишь измѣну?

Ужель въ Альзирѣ я найду сію премѣну?

Брегись....

Монсезъ.

Нѣтъ; я себя не укорю ничѣмъ;

Мой вѣкъ благословенъ; я плачу о швоемъ.

Заморь.

Когда ты измѣнилъ, такъ плачь, ты плакать долженъ.

Зри сколько я швоимъ прешупкомъ встревоженъ,

Жалѣй меня ты, зря, какъ всю волнушъ кровь

То ревность ко богамъ, шо мщенье, шо любовь.

Гдѣ, гдѣ Гусманъ? лечу твуда Альзирѣ въ жертву,
 Пойдемъ, дай зрѣнь ея, дай пастъ предъ ней мнѣ мертву;
 Блаженства зрѣнь ея меня пы не лиши;
 Спрашисъ опчаянной Заморовой души,
 Будь паки человѣкъ; да Chesъ въ шебѣ забвенну....

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Монтезъ, Заморъ, Воины.

Воинъ къ Монтезу.

Иди, о Государь! ко торжеству священну.

Монтезъ.

Иду.

Заморъ.

Жестокій! я иду тебѣ во слѣдъ.

Какое торжество! Куда Монтезъ идешь?

Монтезъ!....

Монтезъ.

Прости. Оставь плачевные чертоги.

Заморъ.

Пусть всѣ меня разятъ разгнѣванные боги;

Иду съ тобой.

Монтезъ.

Прости отеческимъ трудамъ.

къ Воинамъ.

Не дайте, спражи, имъ иппи за мной во храмъ.

Язычниками здѣсь закона чужестранна

Святыня Хриспійа възможеиъ быть попрания.

Исполните: не я повелѣваю вамъ;

Гусманъ изъ успѣ моихъ повелѣваетъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Заморъ, Американцы.

Заморъ.

Что слышалъ я? Гусманъ! о коль измѣна злоспна!

О подлоспъ! вервхъ безспудствъ! обида смертоносна!

Гусману служишъ онъ! Сіе ли слышалъ я?

Иль добродѣтелей лишилась вся земля?

Ужель Альзира такъ, Альзира такъ неправа?

Уже ли и ее коснулась ша оправа,

Котору хищники спранъ излили сей,

Развратники сердецъ, злодѣи нашихъ дней?

Такъ здѣсь Гусманъ? что мы начнемъ, друзья любезны!

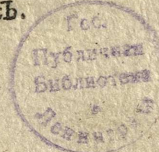
Американецъ.

Осмѣлюсь я тебѣ подать совѣтъ полезный.

Почтенный старецъ сей, тебя который спасъ,

Явится предъ тобой и съ сыномъ въ оный часъ.

В

Изпращивающѣ намъ они свободу явну:
 Ахъ! выйдемъ мы, пойдѣмъ къ намѣренію славу,
 Пойдемъ, и на враговъ мы всѣо распорядимъ;
 А покмо съ сыномъ лишь Альвара пощадимъ.
 Я видѣлъ ихъ валы спроеенье пречудесно,
 То сверхъ естесвенно искусство, намъ безвѣстно,
 Ихъ рвы, бойницы ихъ, и пышность ихъ оградъ,
 Ихъ громы мѣдьяны, ревушіе съ раскатъ,
 Ихъ сѣпи бранныя, и въ нихъ присушество смерти;
 Но смѣлости во мнѣ сей страхъ не можетъ стерпи.
 Увы! въ цѣняхъ стѣнацъ народъ нашъ въ сихъ мѣстахъ
 Крѣпимъ убѣжище въ противныхъ намъ стѣнахъ:
 Униженной опъ узъ рукой возносящъ нынѣ
 Столицу, обиташъ тиранству и гордынѣ.
 Но вѣрь, что какъ узряшъ опмстителей своихъ;
 То на гонителей вознимущъ руки ихъ,
 И сами испребяшъ сѣи ужасны зданья,
 Орудья рабства ихъ, и купно поруганья.
 Друзья отверзущъ пущъ тебѣ къ кровавымъ рвамъ
 По издыхающимъ уже своимъ тѣламъ.
 Пойдемъ, и обратимъ на ихъ главы поносы,
 Желѣзо, бури ихъ и стрѣлы огненосны,
 Горящій огонь селишрѣ, что прежде у враговъ
 Мы чли за огонь священный, лепящъ изъ рухъ боговъ.
 Низложимъ, испребимъ владычество ужасно,
 Гдѣ имъ подножіе невѣжество неопасно.

Друз
 Возм
 Да и
 За кр
 О мр
 Мест
 Чпоб
 Спре
 Жес
 Альв
 И мо
 Одно
 Но ч
 Свѣп
 Народ
 Какое
 Узри
 Могу

Заморѣ.

Друзья! сколь мило въ васъ поборниковъ мнѣ зрѣть,
 Возможшихъ бѣшенствомъ мнѣ равнымъ воспикѣть!
 Да изліемъ мы казнь на варвара Гусмана!
 За кровь опечества пусть льется кровь пирана!
 О мрачно божество! внемли мой гнѣвный стонъ,
 Мещь! ополчи нашъ духъ, чѣмъ умеръ только онъ,
 Чѣмъ умеръ онъ.... Но ахъ! мы храбры; бѣдны болѣ:
 Спремимся наказанъ; а сами мы въ неволѣ.
 Жестока намъ судьба сугубивъ шоки слезъ,
 Альваръ исчезъ опселя, и измѣнилъ Монтезъ,
 И можетъ по врагу, что я люблю, досталось.....
 Одно сомнѣніе въ опраду мнѣ осталось.
 Но что за вопль, друзья, въ жилищѣ слышу семъ?
 Свѣтъ дневный множишся возженныхъ свѣчь огнемъ:
 Народа варварска внимаю мѣдъ гремѣшу;
 Какое торжество, какое зло гласящу?
 Узримъ: отверзѣтъ ли путь за градъ со мною вамъ,
 Могу ли васъ спасти; или погибнуть намъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альзира одна.

Драгова пѣнь! пакъ я не вѣрна предъ тобою!
 Свершилось; и Гусманъ владѣетъ вѣчно мною!
 Межъ нашихъ гемисферъ и океанъ взнесясь,
 Преграды слабыя поспавилъ между насъ:
 Гусману я жена: мы клятвой обязались,
 И клятвы оныя на небеси вписались.
 О ты любезна пѣнь, мяшущая мой умъ,
 Окровавленна пѣнь, зракъ вѣчный горькихъ думъ,
 Драгой! коль плачь, и стонъ, и совѣсти перзанье
 Во твоей проникнуль гробъ, и мертвыхъ пребыванье.
 Коль Божія шо власть, чтобъ съ прахомъ не попузъ
 И нѣжный сердца жаръ, и твой геройскій духъ,
 И вѣрна мнѣ душа по смертную минушу;
 Проси. что я могла склониться къ браку люшу.
 Должна быма ощу себя я въ жертву дать,
 Блаженству подданныхъ, которыми здѣсь я мать,
 Слезамъ поверженныхъ, стезящимъ въ бѣдной долѣ
 Вселенной сей, увь! Тебя гдѣ нѣтъ уже болѣ.
 Заморъ! расперзанной оставь душъ покой
 Хранишь ужасный долгъ, врученный мнѣ судьбой:
 Вложено нуждою сноси ты бремя строга,
 Позволь злымъ узамъ быть: они мнѣ стоятъ многа

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Альзира, Емира.

Альзира.

Иль будущиѣ опѣ моиѣ всегда скрывать очей
 Гражданѣ, изѣ дѣйства мнѣ спраны любезной сей?
 Узрюль нещасныхѣ сихѣ, носящихѣ въ ней желѣзы?
 Вкушуль шу сладость я, чпюбѣ липи сѣ ними слезы?

Емира.

Ахѣ! паче бѣщенства Гусманова брегись.
 Спрашиси за свой народѣ, за плѣнныхѣ сихѣ спрашиси.
 Грозашѣ намѣ, и гласяшѣ опечесиву напасши,
 Чшо день сей будешѣ днемѣ ему горчайшей часпи.
 Воински знамена по вѣтру пушены,
 Сокрыты подѣ землей огни ужѣ возжены,
 Свирѣпые враги собрали сонмѣ кровавой,
 Моннезѣ въ сей званѣ совѣшѣ, исполненный отравой.
 Вопѣ всѣо, чшо знаю я.

Альзира.

Се, небо, птвой обманѣ!

Какимѣ смущентемѣ мой духѣ восколебанѣ!
 Теперь лишь мы клялись въ любви предѣ олшарями,
 И вдругѣ Гусманѣ вознесѣ ужасный мечѣ надѣ нами!
 Какѣ! кляпва мнѣ моя лишь вѣчныхѣ бѣдѣ вина!
 О кляпва, косю навѣкѣ покорена!

О бракъ! жестокойъ бракъ! подъ коей злой звѣздой
Монтезъ тебя свершилъ съ опаснѣйшей судьбою?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Альзира, Емира, Цефана.

Цефана.

Одинъ изъ плѣнниковъ, которыхъ здѣсь опѣ узѣ
Освободилъ въ сей день преславный швой союзъ,
Къ швоимъ спопамъ упасшь желяетъ сокровенно.

Альзира.

Ахъ! можетъ онъ ко мнѣ предспаши несомнѣнно.
Къ нему, къ его друзьямъ я жалостью киплю,
Мнѣ зрѣшь ихъ мило, въ нихъ отечество люблю.
Но что? за чемъ одинъ желяетъ мнѣ явиться?

Цефана.

Онъ въ пайнѣ нѣкоей намѣренъ изъясниться.
Сей воинъ самый пошъ, о комъ пронесса гласъ,
Что дни Альваровы своей рукой онъ спасъ.

Емира.

Онъ зрѣшь тебя желялъ; Монтезъ ему въ преграду
Онъ швоего скрывалъ его здѣсь шайно взгляду.

Печалью мрачною весь духъ его стѣсненъ
Въ важнѣйшій замыселъ казался углубленъ.

Цефана.

Написаны на немъ смущенія жестоки,
Онъ называлъ тебя и лилъ изъ глазъ потоки,
Доказываетъ то его безмѣрный спонъ,
Которымъ внутренно въ шокъ сѣдался онъ,
Что онъ премѣны той совсемъ еще не знаетъ,
Какой тебя и блескъ и санъ днесъ украшаетъ.

Альзира.

Какой, Цефана, блескъ и санъ сей гнусный мой!
Но можешь мнѣ въ родствѣ несчастный сей герой,
Онъ видѣлъ можешь быть сѣянье нашей власти,
И былъ свидѣтелемъ Замора лютой чести.
Какъ знать, что не при немъ Заморъ оставилъ свѣтъ?
Онъ хочетъ то сказать: о щанье полно бѣдъ!
Мнѣ гласъ его еще терпимыхъ мукъ прибавишь,
Онъ сердце мнѣ пронзишь и рану вновь расправишь.
Но пусть предстанешь здѣсь. Движеньемъ смутныхъ
думъ

Неволею объять разсыпанный мой умъ.
Въ черпкахъ, кои я слезами орошала,
Увы! минуши я спокойна небывала.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Альзира, Заморъ, Емира.

Заморъ.

Ужели то она? еяль зрю красоты?

Альзира.

О небо! поступи, гласъ, и всѣ его черты....

Она падаетъ въ руки своей наперстницы.

Заморъ!... лишаюсь чувствъ, померкли очи сиры.

Заморъ.

Узнай любовника.

Альзира.

Заморъ у ногъ Альзиры!

Не привидѣньель?

Заморъ.

Нѣтъ; я ожилъ для тебя:

У ногъ твоихъ твои взываю кляпвы я.

Душа души моей! ты, кою чшу я богомъ,

Ты кою нѣжность мнѣ дала любви залогомъ!

Что спалъ священный союзъ, соединившій насъ?

Альзира.

О день! со ужасомъ смѣшенный сладкій часъ!
 Драгой и горькій видъ утѣхи и печали!
 Увы! Заморъ! Когда судьбы тебя мнѣ дали?
 Мнѣ каждая рѣчь пвоя вонзаетъ въ грудь кинжалъ.

Заморъ.

Ты спонешь, зря меня.

Альзира.

Ты поздно мнѣ предсталъ.

Заморъ.

О смерти слухъ моей разнесся по вселенной.
 Далеко отъ тебя влекъ путь я нерѣшенной
 Съ тѣхъ поръ, когда тебя лилась отъ сихъ пашей,
 Лишился прона я, боговъ, красоты пвоей.
 Не знаешь: сей Гусманъ, сей звѣрскій разоритель
 Былъ пвердоспи моей нещадный искуситель?
 Не знаешь: пвой драгой, сужденный въ одръ тебѣ,
 Альзира, казнъ прималъ на шоржищъ себѣ?
 Дрожишь. Приходишь въ гнѣбъ, копорымъ пламентю,
 Обиды ужасъ сей подвигъ душой пвоею.
 Конечно Богъ, въ любви присутствующій Богъ,
 Во нѣдрахъ смерти жизнь мнѣ сохраниши могъ.
 Предъ симъ ты божествоимъ не стала лицемѣрной,
 Ты не содѣлалась Гишпанкой и не вѣрной.

Гусмана, говорящъ, вмѣщаетъ сей предѣлъ:
 Ошъ изверга сего тебя опиятъ я шелъ.
 Ты мнѣ вѣрна; опмсимъ, дай жершву въ наказанье.

Альзира.

Такъ; мспи ты за себя, казни ты злодѣянье,
 Рази.

Заморъ.

Что ты рекла? какъ! вѣрность! твой обѣтъ.

Альзира.

Рази: не спую зрѣшь и на тебя и свѣтъ.

Заморъ.

Не вѣрилъ я тебѣ, Монтезъ, ахъ ты мучитель!

Альзира.

Толь гнусно дѣло смѣлъ открышь тебѣ родитель!
 Ты знаешь ли, кто мной Замору предпочтенъ?

Заморъ.

Нѣтъ, кто? скажи; ничѣмъ не буду удивленъ.

Альзира.

Такъ зри, въ какихъ судьбой мы пропастьхъ глубокихъ,
 Зри беззаконья верьхъ и верьхъ обидъ жестокихъ.

Заморѣ.

Альзира!

Альзира.

Сей Гусманъ....

Заморѣ.

Дрожу.

Альзира.

Убійца твой

Въ сей часѣ, въ сей самый часѣ приялъ вѣнецъ со мной.

Заморѣ.

Онъ!

Альзира.

Мой отецъ, Альваръ, они меня прельстили,
Они мой слабый духъ на бракъ сей преклонили.
Преступницею своею во храмъ Христіянъ
Почти въ очахъ твоихъ союзъ былъ оный данъ,
Сшвергла вѣсто; боговъ, отечество, драгова,
Для имени всѣхъ трехъ прерви дни вѣка злова.
Вотъ грудь моя! лечу твоихъ къ ударамъ рукъ.

Заморѣ.

Альзира! правда ли то? Гусманъ тебѣ супругъ?

Альзира.

Чшобъ уменьшишь порокъ, представилабъ виною
 Родительскую власть законну надо мною,
 Мое невѣденъе, борьбу, тоску мою,
 Трехлѣтний плачь, за смерть испоргнутой твоею,
 Въ побѣдахъ Христiянъ мою неволю спрогу,
 Чшо въ грусти о тебѣ я предалась ихъ богу,
 Чшо ты всегда былъ милъ, чшо я покой губя,
 Кляла твоихъ боговъ, оставившихъ тебя:
 Но сердце правымъ быть не ищешь, не желаетъ;
 Нѣтъ оправданья мнѣ, любовь коль обвиняешь.
 Ты живъ; довольно мнѣ: тебѣ я не вѣрна,
 Испоргни жизнь, когда не для тебя она.
 И на меня еще не зришь безчеловѣчно?

Заморъ.

Нѣтъ, нѣтъ; коль я любимъ, невинна ты конечно.
 Но льстившись ли еще мнѣ въ сердцѣ жишь твоимъ?

Альзира.

Альваромъ, слабостью, иль мстителемъ творцемъ,
 Гишпанцами, опцемъ во храмъ бывъ провожденна,
 Не чтя тебя въ живыхъ, ко браку принужденна,
 Съ Гусманомъ связанна во вѣчныхъ я уздахъ,
 Питала страсть къ тебѣ при самыхъ олшаряхъ.
 Тираны, нашъ народъ по зряшъ, кѣмъ духъ мой шастъ,
 Земля, и небеса, и самъ Гусманъ по знаетъ;

И зря тебя, Заморъ, я въ сей ужасный часъ,
Люблю тебя, скажу еще въ послѣдній разъ.

Заморъ.

Въ послѣдній разъ Заморъ увидѣлся съ побою!
Едва тебя узрѣвъ, разспанется съ побою!
Ахъ, естълибъ гласъ любви твоимъ былъ сердцемъ
чимъ!...

Альзира.

О небо! се Гусманъ съ родителемъ своимъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Альваръ, Гусманъ, Заморъ, Альзира.

Альваръ *Гусману*.

Се благодѣтель мой, его ты видишь съ нею.

Замору.

О ты младый герой! ты, кѣмъ я жизнь имѣю!
Умножь мнѣ радости сего священна дня;
Съ любезнымъ сыномъ будь ты равенъ для меня.

Заморъ.

Что слышу? онъ, Гусманъ! твой сынъ, сей варваръ лю-
пой!

Альзира.

О небо! не срази грозящей сей минутой!

Альваръ.

Въ какомъ смятеніи....

Заморъ.

Какъ терпитъ то творецъ,
Чтобъ сыну гнусному толь крошкѣй былъ отецъ?

Гусманъ.

Невольникъ, отъ чего въ тебѣ такая дерзость?
Ты знаешь ли, кто я?

Заморъ.

Ты сихъ предѣловъ мерзость!
Межъ упреждаемыхъ твоею властью злой
Познай Замора ты, и зри преступокъ твой!

Гусманъ.

Ты!

Альваръ.

Онъ!

Заморъ.

Такъ, я; я стою, кто лютошью твоею,
Едва не потерялъ честь съ жизнію своею,

Я томъ, кто несъ тобой безчестныхъ мукъ соборъ,
 Я томъ, чей видъ шеперь твой пошупляешь взоръ,
 Имънѣй нашихъ тапъ, ширанъ надъ сей страной,
 И то, чѣмъ я дышу, отъбемлется тобою.
 Свершай: желѣзомъ симъ, которо вапъ еспъ даръ,
 Предупреждай ты меспъ, предупреждай ударъ.
 Сяжъ рука, что жизнь Альвару сохранила,
 Во злой пвоей крови за свѣпъ бы опомспила;
 Я въ смерпныхъ бы, въ ботахъ любовь себѣ снискалъ,
 Что я почпилъ опца, а сына наказалъ.

Альваръ.

Мяпсусъ отъ словъ его, о обладашель свѣпа!

Гусману.

Иль виненъ ты, и дапъ не можешь ты опвѣпта?

Гусманъ.

Опвѣпъ мяпсужнику! быпъ низку до того,
 Чпобъ прашись съ нимъ, когда мой долгъ казнипъ его?
 Достпойна казнь ему, самимъ имъ изреченна,
 Когдабъ не ты; былабъ въ опвѣпъ ему вмѣненна.

къ Альзиръ.

Тебя же сердце въ томъ удобно научипъ,
 Сколь много въ шайнѣ ты могла мнѣ досадипъ;
 Не для меня; но чпобъ себя не обезславипъ,
 Должна о семъ рабъ ты мысли не оспавипъ,

Ты, коей плачемъ я супругъ твой оскорбленъ,
Ты, коей къ ревности довольно я плавленъ,

Альзира.

Гусману.

Жестокій!

Альвару.

Ты покровъ въ бѣдахъ моихъ горчайшихъ!

Замору.

Ты, прежняя моя надежда дней сладчайшихъ!
Зря иго лютое Альзириной судьбы,
Отъ страха, жалости вострепещише вы.

показывая Замору.

Вопъ мой любовникъ, мужъ, опцемъ опредѣленной,
Какъ новой я еще не вѣдала вселенной,
Какъ изъ Европы узъ не приносили намъ,
О смерти служъ его далъ гибель симъ брегамъ.
Паденье зрѣла спранъ, гдѣ родъ мой на престолѣ;
Весь измѣнился свѣтъ, подверглась я неволѣ.
Въ бѣдахъ, при спаросши, несчастный мой ошедъ,
Ко богу вашему прибѣгнулъ наконецъ:
Сего по Хриспiянъ при васъ взываю бога;
Свидѣтель храмъ его мнѣ брака сполько спрога;
Предъ симъ по богомъ, ахъ! обѣтъ ужасный мой
Меня убійцѣ далъ, кѣмъ опнятъ дарогой.
Я мало можешъ быть законъ поль новый знаю;
Но гласу честиности не меньше я внимаю.

Заморѣ, ты милаѣ, люблю тебя, должна пѣмѣ я;
 Но послѣ кляпѣ мойхѣ бытъ не могу швоа.
 А ты, Гусманѣ, кому я жерпвой и женою,
 По злѣ своемѣ, тиранѣ! не мни владѣши мною.
 Кпо мстишь дерзнешѣ изѣ двухѣ, измѣнниду губя?
 Кпо сердце поразитѣ, опѣяно у себя?

гор. На вѣкѣ нещаслива, на вѣкѣ и беззаконна,

Гусману не вѣрна, Замору вѣроломна.

Кпо можешѣ, даѣ мнѣ смертъ, меня освободишь

Опѣ нужды, купно вамѣ обѣимѣ измѣнишь!

Гусманѣ! вѣ мойхѣ родныхѣ швои багровишь руки,

Не такѣ содрогнушь свершишь мнѣ смерти муки.

За право и любви, и брака ты опмстивѣ,

Край пресупниду, хоть разѣ будь справедлиѣ.

Гусманѣ.

Такѣ презираешь ты послѣднѣ пощады

Щедроты, преданной противѣ швоей досады?

Но требуешь того; такѣ жди своихѣ ты бѣдѣ,

Тебѣ гопова казнѣ, совмѣстникѣ мой умрешѣ.

Вы спражи!

Альзира.

Ахѣ, тиранѣ!

Альварѣ.

Что хочешь, сынѣ любезный?

Щедроты чти его, чти рокѣ его ты слезный.

Въ какую бездну золь поверженъ я въ сей часъ!
 Я одному далъ жизнь, другой ее мнѣ спасъ.
 Сыны мои! сихъ словъ вы нѣжность ощушите,
 И древность вы отца нещаснаго почитите.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Альваръ, Гусманъ, Альзира, Заморъ, Донъ
 Алонзъ, *Гишланскій Офицеръ.*

Алонзъ.

Иди, о Государь! повелѣвай ны намъ,
 Оружья, шьмы враговъ разлишы по полямъ.
 Они къ спѣнамъ идушъ, и имя ихъ Замора
 Есть грозный вопль еще къ ихъ умноженью сбора.
 Священно имъ сіе на воздухъ имя мчасъ,
 Воинска шума ихъ сугубишъ дикій гласъ:
 Опъ ихъ зланыхъ щиповъ земля пускаетъ стоны,
 И эхо въ небеси твердишъ ихъ крика звоны.
 Стѣснясь опрядами, храняшъ въ хожденіи строй,
 И въ новомъ имъ идушъ распоряженіи въ бой.
 Народъ сей прежде бывъ земли шоль бремя гнусно,
 Намъ щипишъ подражашъ веспи войну искусно.

Гусманъ.

Пойдемъ, коль должно такъ, явимся въ ихъ очахъ,
 Ты узришь скоро ихъ преобращенныхъ въ прахъ.

Каспильски воины! даны побѣдѣ вамъ правы,
Сей созданъ свѣтъ для васъ, вы созданы для славы,
Онъ созданъ узы нести, робѣть и вамъ служишь.

Заморѣ.

Подобный смертный мѣ, какъ! намъ рабами жить?

Гусманъ *воинамъ.*

Влеките.

Заморѣ.

Смѣешь ли, творецъ невинныхъ спону,
Ты смѣешь ли казнить за праву оборону?

Гишпанцамъ его окружающимъ.

Иль боги вы, нельзя на коихъ восставать?
И пьющихъ нашу кровь васъ должноль призывать?

Гусманъ,

Покорствуй.

Альзира.

Государь.

Альваръ.

Въ свирѣпствѣ гнѣвна жара
Помысли хоть мой сынъ, что спасъ Заморѣ Альвара.

Гусманъ.

Я мыслю побѣдить, сему училъ ты самъ.
Прости, о Государь.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Альваръ, Альзира.

Альзира становясь на колѣни.

Паду къ твоимъ ногамъ.

За благоспи тебя чту жершвою я сею,
Я первый разъ еще унизилась душою.
Свершай, о государь, надъ горькимъ сердцемъ мечь,
За оскорбленную женой сыновню честь.
На первый узлъ была опѣ сердца я согласна:
Увы! могу ли быть два раза въ жизни спрасшна?
Заморъ былъ мой, Заморъ былъ мною и любимъ,
Онъ добродѣтеленъ, швой вѣкъ спасенъ былъ имъ.
Прости.... смертельна грусть по всей разлилась крови.

Альваръ.

Храню къ тебѣ я долгъ отеческой любви:
Жалка съ Заморомъ ты: тебѣ подпора я;
Но чщи священные сего ты узы дня,
Не дай семейство зрѣть мое въ ужасной долѣ,
Будь кровь, будь дщерь моя; нѣтъ, не своя ты болѣ.

Такъ, былъ жестокъ Гусманъ, и мой пренецетъ духъ;
 Но любилъ онъ тебѣ, онъ сынъ мой, твой супругъ,
 И можетъ къ своему явить онъ жалость взору.

Альзира.

Увы! по что, по что ты не ошедъ Замору?

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альваръ, Гусманъ.

Альваръ.

Потщися выгодъ сихъ, мой сынъ dospойнымъ бышь.
 Ты могъ толпу враговъ и храбрость побѣдишь;
 Изъ всѣхъ оптимистичелей печальной сей вселенны,
 Одни въ швоихъ дѣляхъ, другіе испребленны.
 Ахъ! ты дѣны побѣдъ въ крови не обогащай,
 Мой сынъ, ты благости ко славѣ приобщай.
 А я хочу, подавъ симъ помощь побѣжденнымъ,
 О ихъ рачищи дняхъ, ошрадой бышь симъ бѣднымъ.
 Помысли, чпо отецъ шелъ прозбу принести,
 Будь Хрисіаниномъ, Замора ты прости.
 Иль нравы не могу смягчить въ тебѣ суровы?
 Иль не научился сердецъ ты брань въ оковы?

Гусманъ.

Ахъ! ты мое пронзилъ. Потребуй жизнь мою;
 Но ярость праведну дай мнѣ излить свою:
 Шади во мнѣ ты гнѣвъ, кошорымъ духъ спѣсяемъ.
 Какъ мнѣ его проснишь? сей варваръ обожаемъ.

Альваръ.

Жалчае онъ тебя.

Гусманъ.

Онъ жалокъ! отче мой!

Пусть буду жалокъ такъ, я смерть почию драгой.

Альваръ.

Какъ! ты еще вмѣстишь во чувствіяхъ гнѣвливыхъ
Желчь подозрѣнія, спрaданіе ревнивыхъ?

Гусманъ.

Уста твои меня и въ ревности виняшъ?

Какъ! праведный потъ гнѣвъ, копорымъ я объятъ,
Ту горьку мысль, стыдомъ и срамомъ опятченну,
Законну столь во мнѣ, побой зрю осужденну!
Неутолимый спонъ не жалокъ мой тебѣ?

Альваръ.

Не столько горести вмѣщай въ твоей судьбѣ;
Альзира честь хранишь, суровство ей не нужно,
Твой долгъ ее смягчаешь, лаская ей наружно,
Правъ грубый оныхъ спранъ ей въ сердцѣ впечашливъ,
Упоренъ силъ онъ; а ласкъ покоренъ,
И крошость можетъ всею надъ нашими сердцами.

Гусманъ.

Чтобъ я предъ гордыми ласкалъ ея красами?
 Чтобъ оскорбленъе скрывъ съ веселіемъ чело,
 Ко новымъ мнѣ ея презрѣніямъ веде?
 Не долженъ ли бы ты, моей ревнуя чести,
 Не порицать меня; участвоватъ мнѣ въ мести?
 Я много ужъ спыжусь, взявъ узницу женой,
 Свирѣпу, дерзкую и горду предо мной,
 Которой сердце самъ подвласнино зрю другому,
 Котору я люблю къ нещастію презлому.

Альваръ.

Раскаянья въ любви законной не имѣй:
 Спайся лишь о томъ, чтобъ управляши ей.
 Всю къ беззаконію влеченъ, чю есть безмѣрно;
 Но обѣдай хоть по исполниши мнѣ вѣрно,
 Чю ни на чѣмъ по томъ ты не рѣшиши часъ,
 Докоѣ словъ моихъ въ другой не примешь разъ.

Гусманъ.

Въ чѣмъ предъ родителемъ сынъ можешь опречаться?
 Хочу на время я опъ гнѣва воздержаться;
 Но впредъ мой горькій духъ не щидись къ тому привести.

Альваръ.

Я время лишь прошу. Уходитъ.

Гусманъ одинъ.

Могуль оставитъ мѣсть?

Любить, раскаяться, бысть приведеннымъ нынѣ
Во ужасъ, ревновать Замировой судьбинѣ,
Кто въ подлыхъ смертныхъ сихъ безвѣстныхъ намъ
рожденъ,
Едвабъ былъ именемъ людскимъ у насъ почтенъ!
Что зрю? о небеса!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Гусманъ, Альзира, Эмира.

Альзира.

Супругу пренещаспну,

Жестокости твоей и ревности подвласипну,
Котора не могла тебя любить тебя и чинить,
Жалѣя и гнѣва пришла тебя просить.

То слабость или нѣтъ; я ничего не скрываетъ,
Рекла, что сердце я другому посвящала:

И искренность моя, сей пагубный мнѣ даръ,
Когда Заморъ умретъ, она свершитъ ударъ.

Дивись еще: жена имѣетъ дерзновенъе

Просити у тебя любовнику прощенье.

Хотьъ гордѣ Гусманѣ, жестокѣ, сколь въ гнѣвѣ онѣ ни
твердѣ;

Но мнила я, что онъ бышь долженъ милосердѣ.

Я мнила, что герой, коль славѣ онѣ ревнуешѣ,
 И шѣмѣ ужѣ гордѣ, когда обидѣ не наказуешѣ:
 Такою благоспѣю удобитѣ насѣ плѣнитѣ,
 Чѣмѣ злаломѣ всѣмѣ сихѣ мѣстѣ Гишпанцевѣ ослабитѣ. най: м
Ироца
Ее спо
 Такой премѣною души швоей суровой,
 Усилемѣ шоль благимѣ во мнѣ найдешѣ духѣ новой;
 Почтенье возвратишѣ и нѣжность шѣмѣ мою,
 Усердѣе, (коль симѣ любовь я замѣню.)
 Прости.... мяшусь.... но я за швердоспѣ ошвѣчаю,
 Хошя и менѣе Гишпанокѣ обѣщаю;
 Могаибѣ шѣ изшощишѣ заразы слезѣ своихѣ;
 Во мнѣ красонѣ ихѣ нѣшѣ, во мнѣ нѣшѣ швойства ихѣ. швой н
 Творенье ешесшва сей духѣ коварствѣ не знаешѣ,
 Онѣ шщасѣ шбя шягчишѣ, шѣмѣ болѣ раздражаешѣ:
 Но наконецѣ шбѣ ошчалосѣ ишпытатѣ, Плѣне
 Льзяль сердце дикое шедрошю обуздашѣ. Прося
Увы!
Шпасе
Ужел

Гусманѣ.

Коль добродѣтели шакѣ чшишѣ душей швоею,
 Познай ихѣ, чтошбѣ ишши законовѣ ихѣ шпезею.
 Познай нашѣ прежде нравѣ, чѣмѣ онѣй порицашѣ.
 Вѣ немѣ долгѣ швой; сѣ нимѣ шбя должна шя шображатѣ. Имѣ з
 Долгѣ первый, что бы мысль была шя шогашенна, И вѣр
 Копорою еще вѣ очахѣ моихѣ шя плѣнна;
 Чшобѣ больше чшишѣ шбя и вѣ вѣкѣ назватѣ несмѣшѣ
 Совмѣшшника, нѣшѣ силѣ копорого шеришѣ, Прокл
 Зри первая вѣ шомѣ шшудѣ, и ошдай безшловна, Бывае
 Чшо месшѣ моя велишѣ для варвара виночна. Еще

най: мужъ твой, коего твой раздражаетъ спонъ,
 Ирождаетъ колы тебя, великодушень онъ.
 Не сполько я, какъ мнишь, рожденъ ожесточеннымъ,
 И не тебѣ меня счищать непреклоннымъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Альзира, Эмира.

Эмира.

Твой нравъ онъ укротитъ, плѣненъ твоей красой,

Альзира.

Плѣненъ; такъ онъ ревнивъ: Заморъ погибнетъ мой.

Прося Замору жизнь, его я умертвила.

Увы! я знала то. Ты вѣрноль мнѣ служила?

Спасешь ли ты его? и удалишься онъ?

Ужели спржажъ его тобою обольщонъ?

Эмира.

Имъ злато лестное его взоръ ослѣпило,

И вѣрносшь, мнѣ повѣрь, съ рукой его купило.

Альзира.

Проклятый сей мешалъ, благодаря судьбамъ,

Бываетъ не всегда погибелію намъ.

Еще колеблешься! ахъ, не перай минушы!

Эмира.

Но развѣ рѣшены Замору казни люты?
Или Альваровѣ гласъ не значишь ничего?
И наконецъ совѣшь....

Альзира.

Но я спрашусь всего.

Ты зришь, сколь наглую имѣють власть пираны,
Такъ мыслящъ, что спраны сѣи для нихъ созданны,
Что шронѣ ихъ здѣсь; Заморѣ въ очахъ у сихъ владык
Сколь ни прямой былъ царь, есть только бунтовщик
Совѣшь убійцѣ! Гусманѣ! народѣ, народѣ суровый!
Предупрежду ударѣ отъ вашихъ рукъ готовый.
Сей воинѣ къ намъ неидетъ: сколь долго медлишь онъ

Эмира.

Не медлѣнно Заморѣ имѣ будетъ приведѣнъ;
Сей спражъ къ нему уже въ темницу поспѣшаетъ,
Нощъ мракомъ умыслъ сей великій сокрываетъ;
Убийствомъ ушомаясь, въ крови попоплены,
Мучители земли всѣ сномъ опягчены.

Альзира.

Пойдемъ, да воинѣ сей къ пемницѣ насъ проводишь,
Ошверзепъ ей врата; невинность да исходишь.

Эмира.

Тебя онъ предварилъ; Цефана съ нимъ въ сей часъ:
Но естли кпо нибудь въ сей пымъ увидитъ васъ,
Изчезнетъ честь швоя, и стыдъ тебя погубитъ...

Альзира.

Мнѣ стыдъ, коль измѣню ятому, что сердце любитъ.
Ся намъ чужда честь, невѣдома никакъ,
Есть добродѣтели единый лишь призракъ,
Ко славѣ лишь любовь, совсѣмъ несправедливостъ,
Не къ пресупленіямъ, къ упрекамъ боязливостъ:
Я воспиналася во грубой сей сиротѣ,
Чтобъ безъ сіянія чинитъ добродѣтель мнѣ.
Честь въ сердцѣ у меня, она повелѣваетъ
Героя спаситъ, кого и небо оставляетъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Альзира, Заморъ, Эмира, Воинъ.

Альзира.

Тираны въ торжествѣ, спасенія не найдешь,
Тебѣ готова казнь; бѣги, или умрешь.
Поди съ симъ воиномъ, не иранъ часы удобны,
Обманемъ сихъ убійцъ мы упованія злобы.

Ты зришь опчаянье, ты зришь мою напасть.
 Отъ смерти долженъ ты любовника мнѣ спасти,
 Супруга отъ злодѣйствъ, сей мѣръ отъ тока слезна.
 Америка тебя зоветъ; ночь въ томъ полезна;
 Жалѣй себя; а мнѣ ничто моя судьба.

Заморъ.

Жена невѣрнаго, тиранова раба,
 Меня ты сіюль любя, мнѣ жить велишь оспасться;
 Покоренъ: но со мной осмѣлишься скипаться?
 Безъ прона, помощи, въ лютейшей долѣ сей
 Не дамъ тебѣ опричь я сердца и степей.
 Я прежде повергалъ къ ногамъ твоимъ порфиру.

Альзира.

Что въ ней мнѣ безъ тебя? лишь ты прельщаль Альзиру
 И что въ сравненіи тебя сей подлый свѣтъ?
 Душа моя въ степяхъ поидетъ тебѣ во слѣдъ.
 Одна хочу я здѣсь во ужасъ, мученьи
 И въ жалобахъ спенать, и вянущъ въ огорченьи,
 Умреть въ раскаяньи, что кляпву я гублю,
 Что болѣ не швоя, что я тебя люблю,
 Спупай, неси мой вѣкъ и щастіе съ собою;
 Оспавъ мнѣ ужасъ неси въ приномъ долгъ мною.
 Любовника и честь должна я вдругъ спасти,
 Священны оба мнѣ, хочу ихъ соблюсти.

ЗаморѢ.

И честь! какаяжѢ честь шолко неизвѣстна?
 Какая шминѢ швой взорѢ мечта Европы лешна?
 КакѢ! кляшва спрашна, что днешь шебѢ дана,
 И Христїанскїй храмѢ, кой ты презрѣшь должна,
 И БогѢ, сей БогѢ боговѢ опеческихѢ попрашель,
 Разшоргли насѢ сѢ шбой, шебѢ данѢ обладашель?

Альзира.

КомубѢ ни присягла, шого не разбирай.

ЗаморѢ.

Твоя присяга грѣхѢ, цогибель мнѢ, прощай;
 Погибни швой обѣшѢ, и сей мнѢ богѢ несносный!

Альзира.

Постой, ЗаморѢ, постой! о часѢ разлуки злоспный!

ЗаморѢ.

ГусманѢ швой мужѢ.

Альзира.

Жалѣй, АльзирѢ не грубя,

ЗаморѢ.

Воспомни первый узѢ.

Альзира.

Я помню лишь тебя,

Заморъ.

Нѣтъ, нѣтъ жестокая, ты рушишь данно слово.

Альзира.

Нѣтъ, ты мнѣ вѣчно милъ; и се злодѣйство ново.
Дай мнѣ умереть одной, не буди въ сихъ мѣстахъ.
Какой ужасный гнѣвъ горитъ въ твоихъ очахъ!
Заморъ....

Заморъ.

Свершилося.

Альзира.

Куда?

Заморъ.

Надѣюсь смѣло

Явишь достойное изъ сей свободы дѣло.

Альзира.

Умру, коль ты умрешь; не сомнѣвайся въ томъ.

Заморь.

Какъ можешь спрасить мѣшати съ ужаснымъ симъ часомъ?

Оспавь: насталь ужь день и время поспѣшаеиъ:

къ Воину.

Пойдемъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Альзира, Эмира.

Альзира.

Лишаюсь силъ, меня онъ оспавляетъ?

Бѣги за нимъ, лети, и возвращись съ отвѣтомъ,

Безъ опасенья онъ, иль мнѣ разсказать съ свѣтомъ.

Извѣдай, вѣренъ ли сей воинъ, или нѣтъ.

Эмира уходитъ.

Предчувство мрачное мнѣ помно сердце рветъ;

Жестокій день, и день конечно мнѣ опасный!

О Боже Хриспійанъ всесильный и ужасный!

Слаба въ законъ я. Опъ вышины небесъ

Едва рука твоя мракъ гонитъ опъ очесъ.

Когда я днесъ твоя, и спрасью преступила,

Да сердцу бѣдну мститъ твоя нещадно сила.

О Боже! средь степей Замора пы сокрой;

Ужель пы токмо Богъ вселенныя другой?

Европы ли одной тебѣ пріятенъ житель?

Иль міра пы ошедъ, другога пы мучитель?

И плѣнникъ, и герой, изъ слабыхъ смертныхъ сижъ
Безъ исключенья всѣ шворенье рукъ швоихъ.....
Какая слухъ разишъ тревога преужасна!
Заморъ, кричащъ: о рокъ! обманута несчастна!
Сугубяшъ крикъ, идущъ: увы! погибъ Заморъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Альзира, Емира.

Альзира.

Эмира! шы ли здѣсь? что видѣлъ шамъ швой взоръ?
Рѣши изъ жалосши сомнѣніе мяшежно.

Эмира.

Ужъ вѣшъ надежды намъ: погибъ онъ неизбѣжно.
Доспѣхомъ война чело свое покрылъ,
Который велъ его; онъ руку воружилъ,
Онъ удаляется; а воинъ вмигъ сокрылся;
Любовникъ швой въ чертогъ, бѣжалъ, летѣлъ стремилъ
Иду съ нимъ межъ враговъ, во препетъ моемъ,
Между убійцевъ сихъ, въ крови покрытыхъ сномъ,
Межъ шѣлъ, средъ ужаса молчанія ноцнова.
Въ чертогъ Гусмановъ зрю его войти готова:
Вотще звала его чрезъ рѣчь и знаки глазъ:
Сокрылся онъ, и вдругъ восталъ сей спрашивъ гласъ;

Кричатъ: рази; спѣшатъ, летятъ вооружиться,
Бѣги волненій сихъ, спарайся удались,
Бѣги ошселъ.

Альзира.

Къ нему на помощь я бѣгу.

Эмира.

Что можешь ты? увы!

Альзира.

Я умереть могу.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Альзира, Эмира, Донъ Алонзъ, Воины.

Алонзъ.

Мнѣ пайный данъ приказъ, чшобы ты шла со мною.

Альзира.

Что, варваръ, ты сказалъ? какой грозишь судьбою?
Вѣдай, что спалъ Заморъ?

Алонзъ.

Въ ужасный оный часъ

Могу лишь возвѣстить строжайшій сей приказъ,
Чшобы ты шла.

Альзира.

О рокъ! о мечь неизреченна!
 Жестокій! я еще на смерть не осужденна?
 Замира вѣшѣ уже! подѣ игомъ я желѣзъ!
 Ты спонешь, и пивои глаза льюшѣ поки слезѣ!
 Ужель ихъ варварство мягчаѣ мои напаси?
 Пойдемъ, коль мнѣ умреть; легко послушна власни.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

Готт
 Тира
 Иль
 Чшо
 Я еб
 Не з
 Замс
 То и

Увы

Вопл
 Увы
 Альб

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альзира, Воины.

Альзира.

Господь вы скончашъ мой въ лютыхъ казняхъ вѣкъ.

Тираны мнѣ бышъ судьями челоуѣкъ?

Иль мучише меня ужасной сей борьбою,

Чтобъ я рвалась моей невѣдомой судьбою?

Я въ заключеніи, подъ спражу опидана,

Не знаюшъ, жишъ ли я, иль умереть должна.

Замора нареку, и спражи поблѣднѣюшъ,

То имя всѣо мянешъ, чудовищи хладѣюшъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Моншезъ, Альзира.

Альзира.

Увы!

Моншезъ.

Въ какія насъ повергла ны бѣды?

Вотъ страши швоя проклятые плоды.

Увы! когда Заморъ былъ нашихъ прозбъ виною;

Альваръ благоволилъ еще вѣдашъ со мною:

Внезапно предстаеиъ предъ нашиъ тамъ воинъ взоръ,
 Неистовъ, испуленъ, то самъ предсаль Заморъ.
 Пришворствомъ симъ обманъ воздѣйствовалъ надъ нами
 Лишь мечъ въ его рукъ блеснулъ мнѣ предъ очами.
 Вступилъ онъ, къ намъ лешъ, Гусмана онъ достигъ,
 Напалъ и поразилъ, то былъ единый мигъ.
 Кровь мужа швоего Альвара окропила,
 Заморова шопчасъ шунъ ярость опшупила,
 Онъ предъ Альваромъ палъ спокоенъ и смиренъ,
 Мечъ далъ опцу въ крови сыновней обогренъ,
 Чшо должно, сдѣлаъ я, онъ рекъ, опмшилъ досаду,
 Твой дѣлай додгъ, опмщай, дай крови шѣмъ награду.
 Тогда просперся онъ, ждя казнъ въ своей винъ.
 Ощецъ окровавленъ повергся въ руки мнѣ;
 Воспало вѣо, бѣгушъ, подходяшъ, восклицаютъ,
 Лешатъ къ Гусману вѣ, и жизнь ему спасаютьъ,
 Остановляютьъ кровь, упошребляютьъ къ ней
 Искусшво, найденно для сохраненъ дней.
 На жизнь швою воспалъ вѣхъ вопль единоголасной.
 Убйштва онаго шебя мняшъ бытъ причасной....

Альзира.

Ты могъ!....

Моншезъ.

Нѣшъ, нѣшъ, сему не можешъ бытъ вина.
 Къ такимъ грѣхамъ швоя душа не создана;
 Способна къ слабости, къ злодѣйству не рождена;
 При краѣ бездны ты стояла ослашпенна.

Желаю вѣрить такъ, и вѣрю я сему;
 Но твой любовникъ смерть далъ мужу твоему;
 А ты чрезъ то себя суду ихъ подвергаешь,
 Среди ужасныхъ мукъ и срама вѣкъ скончаешь;
 Съ послѣднимъ пианіемъ идешь твой въ судъ оцѣдъ,
 Жизнь испросишь тебѣ, и дней моихъ конецъ.

Альзира.

Мнѣ жизнь! ошъ варваровъ! просишь ихъ! мой родищель!
 Живи, люби меня, сей прозъбы будь хранищель.
 Мнѣ жалоспенъ Гусманъ, сурова часть его;
 Но жалосшиѣ шѣмъ, что споллъ онъ того.
 Лишь оскорбленіе Заморъ опмспилъ несносно;
 Мнѣ мужество его ни хвально, ни поносно.
 Спасала я его, того я не шаю.
 Заморъ умрешъ; брегись ты жизнь спасши мою.

Монпезъ.

О небо! облегчи мою ты участь бѣдну. Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Альзира одна.

О небо! уничтожь Альзиры жизнь зловредну.
 Какъ! Богъ мой помощи не шлешъ мнѣ ни какой!
 Онъ мнѣ прешитъ, мой вѣкъ пресѣчь моей рукой.

Ахъ! опрелась боговъ, копорыхъ щедро свойство
 Мнѣ позволяло смерть, смерть, мнѣ одно спокойствіе.
 Увы! какой предъ симъ ревнивымъ богомъ грѣхъ,
 Чшобъ ускорить часомъ, назначеннымъ для всѣхъ?
 Изъ чашы горести въ напаси неуполиму
 Должна я медля пишь оправу нестерпиму?
 Сей гнусный, смертный прахъ ужели такъ священъ,
 Что духъ, живящъ его, оставишь воспященъ?
 Иль шѣмъ, которые громами вооружены,
 Ужасны правы свѣшъ опустошаютъ врученны,
 Рвашъ сердце у меня? искореняшь мой родъ?
 А я бы не могла и свой пресѣчь живощъ?
 И надъ собой дашь власть душѣ неустрашенной,
 Какую шѣ даюшъ свирѣпству надъ вселенной?
 Заморъ скончаешъ вѣкъ во ужасныхъ мукахъ днесъ.
 О варвары!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Заморъ въ цѣляхъ, Альзира, Воины.

Заморъ.

Умреть обѣимъ должно здѣсь.

Подъ страшнымъ образомъ ихъ истины неправой
 На казни осудилъ тебя совѣшъ кровавой.
 Гусманъ еще живешъ; въ опчаянны моемъ
 Не шѣрды далъ ударъ я въ грудь его мечемъ.
 Живешъ онъ, чшобъ свершишь всѣ бѣдства надо мною;
 Умрешъ онъ, весь покрышъ мнѣ кровію драгою;

Погибнемъ вмѣстѣ мы, какъ будемъ издыхать;
 Онъ будемъ радости еще злыхъ душъ вкушать.
 Мы опѣ Альварова услышимъ здѣсь отвѣта
 Тнусиѣйшій притворъ свирѣпаго совѣта:
 Ты гибнешь за меня, и умираешь мной.

Альзира.

Престань, я не ропщу; сама умру съ тобой.
 Довольно, любишь ны; хвали мою судьбину,
 Хвали ударъ презлой, чѣмъ узы брачны скину;
 Сей часъ есть часъ единъ, когда мнѣ смерть вкусить,
 Чтобъ безъ раскаянья еще тебя любить.
 Свободна казню, себѣ опяшь врученна,
 Я всею тебѣ вѣрна, тобой до гроба плѣнна.
 То мѣсто, кое въ казню уготовляють намъ,
 Есть храмъ, гдѣ я тебѣ мой первый жаръ опдамъ.
 Я шамъ по мой порокъ очищу, принужденной
 Невѣрности, тебѣ Альзирою явленной.
 Всего мучительнѣй въ сей бѣдственной судьбѣ
 Изъ успѣ Альваровыхъ намъ слышашъ смерть себѣ.

Заморъ.

Увы! се онъ, и зракъ его покрытъ слезами?

Альзира.

О небо! кто изъ трехъ насъ превозшелъ бѣдами?
 И сколько собрала судьба несчастныхъ здѣсь!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Альзира, Заморъ, Альваръ, Воины.

Заморъ.

Жду смерти отъ тебя, такъ хочешь небо днесь.
 Ты долженъ мнѣ изречь рѣшеніе положенно:
 Вѣдай мнѣ такъ, какъ я внимаю, несмущенно,
 Предай безъ трепета готовыхъ въ жершву мукъ,
 Къмъ сынъ твой умерщвленъ, и кшо Альвару другъ.
 Но въ чемъ ея вина? чрезъ кою злоспъ безчинну
 Влечешься ты у ней похищитъ жизнь невинну?
 Гишпанцы наконецъ въ тебя свой влили ядъ.
 Ужель неправеднымъ твой мщеніемъ духъ обяшь?
 Священной кропосью въ насъ бывъ одинъ извѣстней,
 Ты славно имя мнишь опвергнувъ быши честнымъ?
 Невинну кровь прольешь рукою ты своей.

Альзира.

Ошмдай за сына, лишь сомнѣнья не имѣй.
 Гусману я жена, довольно къ увѣренью,
 Чпо не къ измѣнѣ я, къ егобъ шла защищенью.
 Твой сынъ былъ мною чшимъ, страдающій духъ мой,
 И не перпя его, хранилъ къ нему долгъ свой.
 Меня твой хвалишь ли народъ иль осуждаешь,
 Мнѣ славу мысль твоя едина ушверждаетъ.
 Отъ сердца твоего почтенна предъ концемъ,
 Я презираю всю, не мыслю ни о чемъ.

Заморѣ умреть, и мнѣ назначенна кончина;
Всѣмъ всѣмъ, чего я жду, ты слезъ моихъ причина.

Альварѣ.

Какъ много ужаса и жалости въ сей день!
Убийца сына твоѣ, родителѣ къ мнѣ спасенъ.
Заморѣ!... ты спасъ мой вѣкъ полъ нынѣ мнѣ несносный;
Я дорого тебѣ плачу за даръ сей злоспный....
Такъ, я отецъ; но я и человѣкъ: твой гнѣвъ
И крови гласъ, ко мнѣ вызывающій, презрѣвъ,
Который мстимъ великъ тогда, какъ чувства стонутъ,
Щедроты твоея еще я гласомъ пронутъ.

А ты мнѣ бывша дщерь, котору въ сихъ бѣдахъ
Зову я именемъ насъ мучащимъ въ слезахъ!
Нѣтъ, твой отецъ не столь свирѣлымъ въ свѣтъ ро-
дился,

Чтобъ въ горести своей опмщенемъ веселился.
Лишася живоша всѣ чрезъ ударъ единъ,
И мой избавитель, и дщерь моя, и сынъ.
Совѣтъ васъ осудилъ; онъ гнѣвомъ къ вамъ пылаетъ,
И мщенія мечемъ Альвара вооружаетъ.

Исполнишь то рука моя не ошреклась....
Исполню то, чтобъ тѣмъ спасти обѣихъ васъ.
Заморѣ, ты можешь всѣмъ.

Заморѣ.

Вѣдай, яви дорогу,
Какъ спасти ее.

Альваръ.

ВѢ меня вдыхающе вѣрь Богу.

Единымъ словомъ свой, ея премѣнишь спонѣ;
 Кто Христїянинѣ спалѣ, прощаеиъ нѣхѣ законѣ.
 Сей ревностью законѣ предписанный свяшою
 Мнѣ мнишя, для швоей днесъ пользы данѣ судьбою.
 Творецѣ, который намѣ прощаши самѣ велииѣ,
 При насѣ тебя своимѣ покровомѣ оѣнииѣ.
 Гишпанцовѣ люшосиѣ симѣ пребудеиѣ укрошениа;
 Твоя есиѣ кровь для нихѣ кровь бранниа и священна;
 И стрѣлы мести вѣ ихѣ рукахѣ ошановаясь,
 Не обраишяся ужѣ сѣ Альзирою на васѣ.
 За жизнь швою, ея оиѣишшвою не ложно;
 Заморѣ, лишь оиѣ тебя сѣ приняиѣ мнѣ должно.
 Не будь не умолимѣ на мой ши слабый гласѣ;
 Я буду жизнь имѣиѣ вѣ другой шобою разѣ.
 Жестокїй, у меня за кровь шобой оиѣяшу,
 Живи, сего оиѣцѣ нещасный ждеиѣ вѣ оишлашу.
 Будь Христїяниномѣ, цѣной сей замѣни
 Кровь сына моего, швой, Альзиры дни.

Заморѣ.

Альзира! до шоволь сѣ шобой намѣ жизнь безцѣнна?
 Иль будеиѣ онаа безчестьемѣ обрѣшенна?
 Иль я могу богамѣ ихѣ бога предпочишнѣ?

Альвару.

А ши ужели мнишъ жесточе сына быть?
 Ты хочеиѣ смерти ей, иль чтобѣ былѣ я предаиель?
 Увы! какѣ я швоей былѣ жизни обладаиель,

Когда бы мнилъ швой вѣкъ шоль низкой я цѣны,
Скажи, опвергълибъ ты боговъ своей страны?

Альваръ.

Я шо же дѣлалъ бы, въ чѣмъ нынѣ упражняюсь.
Творца бы умолялъ, кому я поклоняюсь,
Такое, какъ швое, чшобъ сердце призрилъ онъ,
Достойно Христiянъ, сколь ты ни ослаблiонъ.

Заморъ.

О коль неслыханны и казни и муки строги!
Какое зло избрать я долженъ нынѣ, боги!

къ Альзирѣ.

Тебяль спасу, или боговъ опвергну я?
Дерзнувъ меня любить, будь въ томъ и судiя.
Вручаюся тебѣ, надежда льстившъ Замору,
Что не захочешъ ты привесшъ его къ позору.

Альзира.

Внемли: ты знаешъ, какъ ошедъ мой въ злой судьбѣ
Располагалъ душей врученной мной тебѣ;
Имъ восприятый Богъ спалъ восприятъ и мною;
Чши заблужденъ шо иль младости виною:
Но вѣрой Христiянъ плѣненный разумъ мой
Въ ней зрѣлъ, иль чаялъ онъ въ ней зрѣшъ законъ свяшой.
Уша мои боговъ сего опвергли мiра;
Въ душѣ своей себя въ томъ не винишъ Альзира:

Но отрещись боговъ, которыхъ сердцемъ чтятъ,
 Не заблужденіе, но подла сердца-ядъ,
 Подъ лицемѣрїемъ измѣна сокровенна
 Для бога избранна, и бога отрѣшенна,
 Ложь предъ вселенною, предъ небомъ и собой;
 Умремъ; но при концѣ почтенъ ты буди мной:
 И естли новый лучъ тебя не озаряетъ;
 Гласъ совѣспи внимли, она тебѣ вѣщаетъ.

Заморъ.

Предвидѣлъ твой отвѣтъ: такъ лучше мнѣ не житьъ
 И умереть съ побой, чѣмъ вѣкъ безчестнымъ быть.

Альваръ.

Жестокіе! такъ вы къ гибели бѣжите!
 Щедроты моя принявъ вы не хотите.
 Внемлите жалкій вопль, остался мнѣ одинъ....

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Альваръ, Заморъ, Альзира, Алонзъ,
 Американцы, Гишпанцы.

Алонзъ.

Ведется предъ тебя несчастливый твой сынъ.
 Онъ, государь, въ твоихъ рукахъ умереть желаетъ.
 Народъ вокругъ его толпясь себя спѣсняетъ,

И изъ любви къ нему узрѣти онъ готовъ
Жены Гусмановой и съ ней убійцы и кровь.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Альваръ, Гусманъ, Заморъ, Альзира,
Американцы, Воины.

Заморъ.

Тираны! дайте смерть, Альзиру лишь спасите,

Альзира.

Нѣтъ; лютой смертью насъ всѣхъ прехъ соедините.

Альваръ.

Мой сынъ кончается! неслосная напасть!

Заморъ *Гусману.*

Ты хочешь до конца простершь жестоку власть?

Пока ты живъ, лей кровь, насыть ей жадностьъ взора.

Учися умирать, взирая на Замора.

Гусманъ *Замору.*

Инымъ достоинствамъ хочу тебя учить,

Иной примѣръ тебѣ я долженъ здѣсь явить.

Альвару.

Отсрочена мнѣ смерть, посланна небесами,
 Да предѣ швоими днесь предспану я очами.
 Лешяща вонѣ душа во смертной мнѣ судьбѣ
 Сдержалася; но спѣмѣ, чшобѣ подражаѣшь тебѣ.
 Умру, ниспалѣ покровѣ, мнѣ новый лучѣ блистаѣшѣ.
 При краѣ дней себя Гусманѣ лишь познаваѣшѣ.
 По самый оный часѣ, когда иду во гробѣ,
 Томились смершныи моихѣ подѣ игомѣ злобѣ;
 Ошмисшилѣ за землю Богѣ; онѣ свяпѣ, и я собою
 Не заплачу за кровь пролипу сей рукою.
 Я щасѣшемѣ былѣ мраченѣ, гробѣ свѣшѣ открылѣ уму;
 Кѣмѣ Богѣ меня сразилѣ, прощаю я шому.
 Одинѣ владѣю я, какѣ сей владѣлѣ спраною,
 Одинѣ могу прощаѣшь; Заморѣ, прощенѣ шы мною.
 Живи, надмѣнный врагѣ, будь воленѣ, знай, какой
 Конецѣ для Христїянѣ, и оныхѣ долгѣ прямой.

Монтезу, бросающемуся къ его ногамѣ и Американцамѣ.
 Вънемли, Монтезѣ, и вы, быѣѣ жертвою моею:
 Жестокосѣ я покрылѣ щедроною своею.
 Внушите здѣсь царямѣ, спранамѣ внушите симѣ,
 Чшо право Христїянѣ даватѣ законы имѣ.

Замору.

Зри разность шы въ богахѣ, предѣ кѣмѣ творимѣ слу-
 женье.

Твои веляпѣ тебѣ убѣйство и ошмщенье;
 Мой богѣ въ потѣ часѣ, когда Заморѣ меня разитѣ,
 Прощаши и жалѣшь Замора мяѣ велипѣ,

Альваръ.

Мой сынъ! сколь ты герой, столь кропость зрю велику.

Альзира.

Какая чудна рѣчь! премѣну зрю толику!

Заморъ.

Такъ хочешь и меня къ раскаянью привлечь?

Гусманъ.

Еще хочу къ себѣ твою любовь возжечь.

Альзира бѣдная вела дни въ жизни мрачны,

Тому виной моя свирѣпость, узы брачны.

Вручаю хладною шебѣ ее рукой.

Живи не злобствуя, своею правь спраной,

Опдай спѣнамъ своимъ ты славу разореннымъ,

Коль можешь, имя чпи мое благословеннымъ.

Альвару.

Пребуди ты опцемъ сей щасливой чепы:

Да правый лучъ съ небесъ на нихъ ниспослешь ты.

Коль свѣтомъ Христїянъ душа его обѣяла,

Заморъ твой сынъ; моя награждена въ немъ шрапа.

Заморъ.

Мяшуся, недвижимъ, окамененъ, смущонъ:

Столь Христїянинъ благъ храня прямой законъ?

Законъ, кой пребуемъ усилїя столь многа,

Я вѣрю, сей законъ опъ самаго данъ Бога.

Хоть вѣриѣсть, дружелюбие и твердость я хранилѣ;
 Но такѣ великій духѣ моихѣ превыше силѣ.
 Обремененѣ я имѣ, и имѣ я восхищаюсь,
 Люблю, и чшю тебя, и местию гнушаюсь.
 бросается къ его ногамѣ.

Альзира.

Паду къ твоимѣ ногамѣ спыдящаясь себя.
 Я въ сей бы часѣ умереть желала за тебя,
 Между тобой и имѣ душа моя дѣлима,
 Раскаяньемѣ, тоской перзаема, томима,
 Злодѣйкой чшю себя, и думѣ печальныхѣ мракѣ.....

Гусманѣ.

Я всею прощаю вамѣ; коль зрю въ слезахѣ вашѣ зракѣ.
 Въ послѣдній разѣ ко мнѣ приближся, мой родилель:
 Веди щаспливы дни, ей буди покровилель.

Замору.

Будь Христїяниномѣ; доволенѣ, кончу вѣкѣ.

Альварѣ Монтезу.

Зрю Божїй перспѣ въ бѣдахѣ, что рокѣ на насѣ навлекѣ.
 Опчаянный мой духѣ ко Богу прибѣгаетѣ,
 Который насѣ казнитѣ, и купно насѣ прощаетѣ.

К О Н Е Ц Ъ.

П. 1935 г.
 Арт РК-1702

2

П. 85/88

3-50

05362/565

350

Гос. Публичная б-ка в Л-де

4

РЗФ-18 век. 3

№ св. кат. 2135